

Г. И. Рамстедтъ.

(Доцентъ Имп. Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА

МОНГОЛЬСКОГО ПИСЬМЕННАГО ЯЗЫКА

и

ХАЛХА'СКО-УРГИНСКОГО ГОВОРА.

Переводъ студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ
Имп. СПБ. Университета, съ первого нѣмецкаго изданія;
подъ редакціей прив.-доц. А. Д. Руднѣва, съ дополне-
ніями автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вып. Остр., 9 лин., № 12.

1908.

DAS SCHRIFTMONGOLISCHE

UND

DIE URGAMUNDART

PHONETISCH VERGLEICHEN

VON

G. J. RAMSTEDT.

(*Journal de la Société Finno-ougrienne XXI,2.*)

HELSINGFORS, 1902.

(VOM VERFASSER REVIDIERTE UND VERBESSERTE RUSSISCHE AUFLAGE).

ST. PETERSBURG.

BUCHDRUCKEREI DER KAISERLICHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN.

Wass.-Ostr., 9. Linie, № 12.

1908.

Г. И. Рамстедтъ.

(Доцентъ Имп. Александровского Университета въ Гельсингфорсѣ).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА

МОНГОЛЬСКАГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

и

ХАЛХА'СКО-УРГИНСКАГО ГОВОРА.

Переводъ студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ
Имп. СПБ. Университета, съ первого нѣмецкаго изданія;
подъ редакціей прив.-доц. А. Д. Руднѣва, съ дополне-
ніями автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1908.

Настоящий русский перевод труда Г. И. Рамстедта любезно осуществленъ моими слушателями по факультету Восточныхъ языковъ въ 1905 г.

§§ 4—10 переведены студ. Я. П. Раипо, 11—17 — Г. И. Веверомъ, 19—36 и 54—55 — К. А. Зильцемъ, 37—44 — А. А. Соколовымъ, 56 — 61 А. — А. Адельгеймомъ и 61В. — 62 — В. А. Шаигинъмъ.

§§ 1—3 и 18 несколько переработаны мною по напечатанному раньше переводу ихъ Н. П. Евстифьевъ¹⁾. Переводъ гг. студентовъ проверенъ мною при любезномъ содѣйствіи М. Ф. Миллеръ и затѣмъ дополненъ авторомъ.

Въ корректурахъ, помимо автора, любезно просматривали и дѣлились съ нами своими въ высшей степени цѣнными замѣчаніями и совѣтами проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, акад. К. Г. Залеманъ, прив.-доц. В. Л. Котвичъ и М. Р. Фасмеръ.

Много отдѣльныхъ важныхъ указаний дѣлали: студ. Б. Я. Влади-мирцевъ, и. д. лекторовъ СПБ. Univ. Ц. Ж. Жамцарано и Б. Б. Барадайчъ, прив.-доц. А. И. Ивановъ, и. д. лектора г. Чангъ и (по части разселенія монголовъ) — Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Всѣмъ этимъ лицамъ авторъ и редакторъ выражаютъ свою глубокую признательность и благодарность.

¹⁾ „О трудахъ Г. И. Рамстедта по монгольскому языку“ [Труды Троицкосавско-кяхтинскаго отд. Приамурскаго отд. И. Русск. Географ. Общ., т. VI, в. 2 (1903 г.), стр. 86—97, (СПБ. 1904 г.)].

А. Р.

Поправка.

На четвертой страницѣ заглавного листа пропущено:

§§ 45—53 переведены студентомъ Н. А. Ивановымъ.
§§ 37—44 А. А. Соколовымъ и Ю. К. Синюковскимъ
А. Р.

Предисловіе автора къ русскому изданію.

При выработкѣ въ сентябрѣ и октябрѣ 1899 г. въ Ургѣ той работы, которая въ 1902 г. вышла въ Гельсингфорсѣ на нѣмецкомъ языкѣ и теперь появляется въ переработанномъ видѣ на русскомъ языкѣ, я предполагалъ дать краткое описание звуковъ халхаскаго нарѣчія и выстѣть съ тѣмъ изложить главнѣшіе звуковыя законы, по которымъ языкъ монголовъ, ихъ живой разговорный языкъ измѣнился въ „историческое“ время. Вѣдь, какъ известно, *разговорныи*, простонародный языкъ „Мѣсть исторіи“¹⁾, тогда какъ литературные памятники даютъ представление только о прежніихъ формахъ языка. Но записи звуковъ языка—орфографія и буквы—никогда не передаютъ достаточно точно живое слово.

Алфавитъ монголовъ особенно недостаточенъ. Для примѣра укажу, что знакъ «Г» передаетъ несолько различныхъ звуковъ: между прочимъ смычный «Г», который сохранился въ современномъ языкѣ, и затѣмъ проточный (спирантический) звукъ, который уже въ XIII вѣкѣ между гласными являлся скользящимъ („gleitaut, glide“), а теперь совсѣмъ исчезъ (§ 19).

Когда монгольские грамотѣ въ Ургѣ въ наше время читаютъ слова «караг'ул»—„карауль, стража“, «цајаг'ан»—„судьба, воля, предопределение неба“, какъ «хараг'ул, зајаг'ан», они до известной степени передаютъ написаніе словъ буквально, но для историка языка не подле-

¹⁾ О. Коршъ. Турецкіе элементы въ языке Слова о Полку Игоревѣ I—VIII — стр. 36 (Изв. Отд. Русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. VIII (1904), кн. 4).

жить никакому сомнению, что въ этихъ словахъ (и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ) звукъ «*г*» исчезъ на иѣсколько столѣтій раньше, чѣмъ «*к*» измѣнилось въ *х* или «*ц*» > *з*.

Такимъ образомъ звуковыя явленія, относящіяся къ различнымъ временамъ исторіи языка, находятъ себѣ одновременно мѣсто въ письменномъ монгольскомъ языкѣ, совершенно такъ же, какъ напримѣръ въ письменномъ джагатайскомъ¹⁾, или османскомъ языкѣ отражаются различные стадіи исторіи турецкаго языка.

Самымъ прочнымъ основаніемъ для исторического изученія всѣхъ языковъ, является изслѣдованіе живыхъ нарѣчий и говоровъ, то же надо сказать о монгольскомъ языкѣ и остается пожелать, чтобы эта точка зрѣнія была наконецъ усвоена всѣми монголовѣдами.

Отличіе старого, письменного языка монголовъ отъ разговорнаго настолько велико, что требуется усиленная работа, чтобы выяснить себѣ изъ исторіи. Надо особенно заметить, что гласные неударяемыхъ слоговъ современного монгольского языка (халха'скаго нарѣчія и др.) настолько редуцированы по количеству и по качеству, что ихъ не легко отмѣтить даже фонетическимъ письмомъ. Эта редукція гласныхъ (см. §§ 39, 41, 44, 54), которая имѣла своимъ слѣдствіемъ появленіе новыхъ „вставныхъ“ гласныхъ (§§ 51, 54) еще больше затрудняетъ опредѣленіе значенія знаковъ, передающихъ гласные звуки въ письмѣ. Вотъ почему вопросъ о томъ, имѣлъ-ли монгольский языкъ звуки *о* и *ö* во второмъ и послѣдующихъ слогахъ или же только въ первомъ, какъ напримѣръ въ турецкихъ нарѣчіяхъ, нуждается въ особомъ изслѣдованіи и въ этой работѣ упоминается лишь вскользь.

Что касается обозначенія современныхъ краткихъ гласныхъ въ неударяемомъ краткомъ слогѣ, то въ русскомъ изданіи мы ввели по сравненію съ иѣмецкимъ иѣкоторую особенность, а именно: тѣ комбинаторное вліяніе, которое гласный первого слога оказывается на гласные слѣдующихъ слоговъ выражено здѣсь по болѣшой части повтореніемъ того же знака, но съ обозначеніемъ краткости. Напримеръ (§ 39): буллўк (вм. прежняго буллак), омѣк (вм. омак), бсѣр (вм. бсэр) и т. д. Можетъ быть благодаря этому измѣненію мы точнѣе передадимъ дѣйствительное произношеніе.

¹⁾ Арабъ-филологъ (изд. Меліоранскаго).

Я счастливъ, что одна изъ моихъ первыхъ работъ появляется теперь въ переводѣ на русскій языкъ.

Мне будетъ крайне приятно думать, что цѣль изданія этой работы на русскомъ языкѣ дѣйствительно окажется достигнутой, если она послужитъ однимъ изъ основныхъ пособій для молодой школы русскихъ монголовѣдовъ, которые будутъ изучать монгольскій языкъ и его нарѣчія съ точки зрѣнія историческаго языковѣданія, пользуясь при этомъ общелингвистическими методами и, которые поставятъ изслѣдованіе памятниковъ письменности и живыхъ дialectовъ на мѣсто, подобающее имъ, согласно новѣйшимъ воззрѣніямъ науки о языкахъ.

G. J. Ramstedt.

Лахти (Финляндія).

29/16 октября 1908 г.

Опытъ классификаціи монголовъ по нарѣчіямъ.

Въ настоящемъ схематическомъ обзорѣ монголовъ по нарѣчіямъ мы принуждены повторить, съ нѣкоторыми фактическими поправками, ту картину, которая была уже раньше представлена нами наглядно въ „Схематической картѣ разселенія монголовъ“, приложенной къ „Лекціямъ по грамматикѣ монгольского письменнаго языка“, читаннымъ мною 1903 — 1904 акад. году¹⁾). Къ классификаціи индо-европейскихъ языковъ давно примѣняется „теорія волны“ (*wellen-theorie*²⁾). Я думаю, что слѣдовало бы примѣнить эту классификацію и въ нашей области, особенно при изученіи современаго положенія монгольскихъ нарѣчій. Къ сожалѣнію, при незначительности нашего знакомства съ ними мы принуждены пока оставить это въ области *pia desideria*. Повидимому, уже въ скоромъ времени придется подумать о постепенномъ осуществленіи этого плана, въ виду большого материала въ области монгольскихъ нарѣчій, собранного за послѣднее время.

Наше дѣленіе монголовъ по языку — конечно, очень приблизительное — сводится пока къ слѣдующимъ группамъ:

Восточные (срв. стр. 5). — [Монголы]:

I. Южные: (Ордос, Чахары, Тумуты, Суниты и др.).

Оазисомъ: Чахары (въ Илійскомъ краѣ и Тарбагатаѣ къ NW отъ Кульджи).

II. Сѣверо-восточные:

1) Юго-восточные (Хорчин, Харачин, Опинют, Барин, *Чешиктэн*, Уджумцин и др.);

2) Сѣверо-восточные (Горлос, Дурбут — между Цинциаромъ, Харбиномъ и Бодуномъ);

3) Халха:

A) Восточные;

B) Западные.

¹⁾ СПБ. 1905 г. Срв. также краткій перечень въ § 3 вѣмецкаго изданія настоящаго труда Г. И. Рамстедта.

²⁾ Johannes Schmidt. Die Verwandschaftsverhaltnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar. 1872. Срв. также: Leskien, Die Deklination der Slavisch-Litauischen und Germanischen Sprachen. Leipzig. 1876, а также А. И. Соболевскій «О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности» (Изв. Отд. Русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, 1904 г., т. IX, кн. 2, стр. 14—23). Указаніемъ на это мы обязаны М. Р. Фасмеру.

Примыкающіе къ Вост. II, 3, Б. — Хотогойты (по пр. Далынгир-муран и Бальчир).

Оазисами: а) къ N отъ Булувгира и Су-джкоу;
б) къ S отъ Юй-мын и Су-джоу;
г) около границы Кореи въ Манджуріи;
д) къ S отъ оз. Куку-нор.

Сѣверные — [Буряты]:

1) Добайкальские (въ Иркутской губ.)
(тукинские, кудинские, аларскіе и др.);

2) Забайкальские (въ Забайкаль):

а) Баргузинскіе (ближе къ Съв. 1);

б) Хоринскіе (съ Агинскими);

в) Селенгинскіе (ближе къ Вост. II, 3, А);

3) Баргу-буряты (въ области оз. Кулун-буир въ Манджуріи).

Примыкающіе къ Съв. 3: Дагуры — (къ О отъ Съв. 3).

Переходные отъ Съв. къ Зап.

а) Дархаты — къ W отъ оз. Косогол;

б) Дзахачины — къ S отъ г. Кобдо;

г) Сартула — къ N отъ г. Улясутай;

д) Мынгыты — къ N отъ г. Кобдо.

Западные — [Дэрбэн-ойраты¹⁾]:

1) *торкуты*:

Европейск.: а) Калмыки — Астраханск. губ. (W отъ Волги);

Азиатск.: б) по р. Эдзинэ-гол;

в) по S склонамъ Монг. Алтая (въ вершинахъ р. Булугун);

г) въ горахъ Боро-Хоро и по р. Хайду-гол;

д) на хр. Тян-шань (зимой — въ Южн. Джунгаріи);

е) въ области Куку-нор.

2) *дэрбэты*:

Европейск.: а) Калмыки — Астраханск. и Ставропольск. губ.;

Азиатск.: б) къ N отъ г. Кобдо;

в) (?) Байты — къ О отъ оз. Убса (Усва)-нор.

3) *элэты* (?):

а) въ Алашани;

б) около г. Кобдо;

¹⁾ Съ опредѣленностью сказать, которые изъ ойратовъ являются Четырьмя (дэрбэн) сейчасъ трудно; самый этотъ терминъ не ясенъ.

- в) къ N отъ оз. Улюнгур;
 г) (?) къ SO отъ Кульджи (по рр. Текес и Каш);
 д) въ Халхѣ — по рр. Орхон и Тамир;
 е) Маннай-элэт къ NW отъ г. Цилкар.

Хойты.

4) *хойты:*

- Европейск.: а) Калмыки — Астраханск. губ. (0 отъ Волги);
 Азиатск.: б) въ долинѣ Юлдуза;
 в) по р. Будугун;
 г) въ обл. Куку-нор и Цайдам.

5) *хойты* (?):

- Европейск.: а) Калмыки — Астраханск. губ.;
 Азиатск.: б) въ обл. Куку-нор;
 в) въ округѣ Кобдо;
 г) въ Халхѣ — къ SW отъ оз. Убса-нор.

Неопределенные (Западные):

- Европейск.: а) Донские калмыки — «Бузава» — (въ обл. войска Дон-
 (калмыки) ского: Зап. 1, а?);
 б) Терские калмыки (Зап. 2 а?) (къ NW отъ Моздока);
 г) Куманские калмыки (Зап. 2 а?), (при устьи р. Кума);
 д) Уральские калмыки (Зап. 1 а?); (на прав. берегу
 р. Уралъ и на р. Кушумъ; 5 селений);
 е) Оренбургские калмыки (къ SW отъ Челябинска въ 2
 мѣстахъ верхняго теченія р. Уралъ и на О скло-
 нахъ Уральского хребта);
 Азиатск.: զ) Моголы (въ Афганистанѣ);
 ղ) Монголы по р. Дам («Дамск'и») (Зап. 3, или Зап. 4?);
 զ) Шара-югуры (шера-ёгурь?) — къ W отъ Ган-джоу;
 [т] ?Шарай-голы (къ S отъ Зап. 4 т);
 զ) Деревня Ниятук-Лавзы, въ провинціи Ребгун, въ
 Амдо (омонголившіеся салары?).

Къ монголамъ по языку можетъ быть слѣдовало бы отнести вѣкоторыя
 племена, о которыхъ у насъ имѣются еще болѣе туманныя свѣдѣнія:

- Далда (джахор) и др.—въ Амдо;
 (?) Хор, или Хачи (въ горахъ къ S отъ Хотана);
 Чигинъ (?) (на сѣв., склонахъ Нань-шаня);
 Нѣкоторые отуречившіеся монголы (напр. «Дурбеты» — на N склонахъ
 хр. Богдо-ола — въ О Тянъ-шаня, т. наз. «хасагут» въ Джунгарії);
 Омонголившіеся турки (южные урикхайцы) и т. д.

С.П.Б.
 Декабрь 1908 г.

Андрей Руднев.

¹⁾ Сар-уйгурь или сар-калмыки — турки; шара-югуры, видимо, они же, но
 омонголившіеся. Срв. x).

Сокращенія и обозначенія принятыя въ настоящемъ изданіи объяснены
 на слѣдующихъ страницахъ¹⁾:

- Арабъ-филологъ (изд. Меліоранскаго) — стр. 20.
 Бобровниковъ — стр. 24.
 Гирагосъ²⁾ — стр. 3 и 42.
 Giles H. A. — стр. 42.
 H. Noworth, см. Гирагосъ.
 Кастренъ (Castrén) — стр. 8.
 Mogholica (Ramstedt) — стр. 26.
 Орловъ — стр. 48.
 А. Д. Рудневъ. Защита докт. дисс. — стр. 46.
 Sievers — стр. 7.
 Юаш-чао-ми-ши — стр. 26.
 хУрг. — стр. 5 и 6.
 хЗап. — стр. 5 и 9.
 хВост. — стр. 5.
 дэрб.-Кобдо — стр. 25.
 ՚ и ; — стр. 57.
 ^ — стр. 58.
 > < — стр. 8.
 ~ — стр. 14.
 «крупный шрифтъ въ ковычкахъ» } — стр. 4.
 крупный шрифтъ безъ ковычекъ }

¹⁾ Сочиненія, не приведенные здѣсь, упоминаются не болѣе одного раза и въ соответственныхъ мѣстахъ приведены ихъ полныя заглавія.

²⁾ Правильно, согласно древне-армянскому произношению, слѣдуетъ писать это имя Кирагосъ, а не Гирагосъ.

- * — стр. 44.
- ' — стр. 7.
- стр. 33 и 34.
- ^{*, e, i} — стр. 60.
- стр. 15.

Другія обозначенія:

- чрезмѣрна долгота (гласныхъ).
- долгота.
- краткость.
- налатализація, „смягченіе“ согласныхъ.

Примѣчанія:

- 1) Знакъ «ӯ» принятъ нами для обозначенія письменнаго я во всѣхъ случаахъ, а также письменнаго о въ не первыхъ слогахъ словъ переднаго (иѣнаго) звука.
- 2) Названий надежей въ этомъ изданіи даны по латыни, во избѣженіе слишкомъ буквальнаго пониманія русскихъ названий и, чтобы отмѣтить, что эта номенклатура въ отношеніи монгольскаго языка условна.

1. Монгольскій письменный языкъ представляетъ собою большую древность. Съ того времени, когда принятное теперь правописаніе монгольскихъ словъ еще соответствовало живому произношению, языкъ подвергся значительнымъ звуковымъ измѣненіямъ, которые въ концѣ концовъ придали ему совершенно новую форму. Старинное правописаніе образовалось очевидно на почвѣ одного изъ нарѣчий монгольского языка, до сихъ поръ еще не определенного. Тѣмъ не менѣе, это правописаніе сохраняется до нашего времени среди монголовъ, разбитыхъ на многія нарѣчія, роды и области, въ качествѣ ихъ общаго духовнаго достоянія. При такихъ условіяхъ не слѣдуетъ удивляться, что современное монгольское письмо не представляетъ собою однообразія, послѣдовательного правописанія и надежныхъ указаний на происхожденіе словъ. Если принять во вниманіе все періоды монгольской исторіи, когда монгольскій народъ оставлялъ на заднемъ планѣ занятія письменностью и интересовался лишь древними боевыми легендами, то подобное незавидное положеніе монгольского письма является вполнѣ понятнымъ. Въ позднѣйшіе періоды ламаизмъ, безраздѣльно воцарившійся въ Монголіи и проникшій во всѣ поры монгольской жизни, лишилъ народную монгольскую письменность всякаго значенія, какъ средство образования и развитія, и выставилъ на ея мѣсто тибетскую литературу, какъ единый путь къ образованности

и къ небу. Отсюда получилось такое явление, что теперь очень рѣдко можно встрѣтить монгола, который бы знал хотя бы только монгольскую азбуку, не говоря уже о письменности въ болѣе широкомъ значеніи этого слова. На противъ того, каждый лама, т. е. около $\frac{5}{8}$ всего мужского населения, знаетъ тибетскую литературу или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя тибетскія молитвы и азбуку. Даже тотъ, кто пытается слышать за монгольской азбукой, часто пишетъ одно слово вѣрно, а десять ошибочно. Такъ, напримеръ, «монголовѣда», часто пишетъ одно слово вѣрно, а десять ошибочно. Какое-нибудь слово, котораго ему никогда не приходилось видѣть въ письменномъ видѣ, онъ можетъ написать обыкновенно, лишь придерживаясь собственного произношенія. Такъ какъ дѣло монгольской письменности уже много столѣтій и у всѣхъ отпрысковъ монгольского народа находится въ такомъ имѣніи положенія, то въ теперешнемъ письмѣ монголовъ мы можемъ найти нестрые, причудливо переплетающіеся отпечатки различныхъ периодовъ развитія языка и заимствованія изъ различныхъ мѣстныхъ нарѣчій. Что касается произношенія написанныхъ словъ, то приходится лишь вооружиться терпѣніемъ, вида, что оно менѣется не только по нарѣчіямъ или по хошунаамъ (хошу — «княжество»), но даже по отдѣльнымъ монастырямъ.

Вышеприведенными замѣчаніями мнѣ хотѣлось установить тотъ фактъ, что письменный монгольский языкъ не есть нечто чистое, однородное, стройное, и что требуется большая критическая осторожность для того, чтобы правильно выдѣлить древніе элементы письменнаго языка изъ позднѣйшихъ примѣсей, и чтобы затѣмъ правильно читать эти, сохранившіеся пока, остатки древнаго первоначального языка. Къ сожалѣнію, на это обстоятельство до настоящаго времени обращалось чрезвычайно мало вниманія и, если бы мы захотѣли проанализировать все, что выдавалось различными европейскими изслѣдователями за «восточно-монгольское», то мы увидѣли бы, насколько неопределѣленнымъ является понятіе объ истинно-монгольскомъ. Въ общемъ, господствуетъ мнѣніе, что письменный монгольский языкъ — языкъ восточныхъ монголовъ. Мы скоро увидимъ, насколько такое мнѣніе неосновательно. Чѣмъ представлаетъ (или вѣриѣ — представляя) собою монгольский языкъ, можно будетъ съ увѣренностью опредѣлить только послѣ изслѣдованія всѣхъ современныхъ живыхъ разговорныхъ нарѣчій. Тогда только можно будетъ сказать что-нибудь болѣе точное какъ о времени и мѣстѣ происхожденія литературного монгольского нарѣчія,

такъ и о позднѣйшихъ вліяніяхъ на него со стороны различныхъ мѣстныхъ нарѣчій¹⁾.

2. Въ дальнѣйшемъ я пока словомъ «письменный (литературный) языкъ» обозначаю тѣ письменное изображеніе монгольскихъ словъ, которое, судя по аналогичнымъ явленіямъ, самое древнѣе. Конечно, иногда бываетъ трудно въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ выяснить, какое правописаніе слова является наиболѣе правильнымъ, и для разрѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ такого рода крайне необходимы изслѣдованія по діалектологіи монгольского языка, которая, къ сожалѣнію, находится еще въ начаточномъ состояніи. Нужно замѣтить, что современные монголы въ своемъ монгольскомъ письмѣ стараются по мѣрѣ силы и ловкости архаизировать, т. е. придавать литературно-монгольскому обликъ, не только иностраннымъ словамъ, недавно вошедшімъ въ ихъ языкъ, но даже и собственнымъ, чисто монгольскимъ словамъ, если имъ кажется, что ихъ

¹⁾ По моему мнѣнію, однако, уже теперь можно доказать, что сирийско-уйгурская азбука употреблялась для монгольского языка задолго до Чингис-ханя. Стоитъ только сравнить монгольскія слова, сообщаемыя нѣкоторыми европейскими и др. авторами (напр. Guiragos, см. Noworth, History of the Mongols III, стр. 88) въ XIII вѣкѣ, съ соответствующими словами монгольского письменнаго языка, чтобы усомниться въ правдоподобности выводовъ Шмидта (Schmidt, Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.Pétersbourg. VI sér., T. II, p. 252 (1833 г.), а также рекомендую см. Böhlingk, Über die Sprache d. Jakuten, стр. 43).

Тѣ значительныя звуковыя измѣненія, которыя характерны для современныхъ намъ нарѣчій, можно замѣтить уже въ тогдашнемъ языкѣ, и было бы натяжкой предположить, что они произошли втечеій въ сколькихъ десятковъ лѣтъ, а затѣмъ остались безъ измѣненій навсегда. Что монгольская азбука была введена на сѣверѣ Монголіи Чингис-ханомъ, вовсе не доказываетъ, что до него она не употреблялась монголами нигдѣ. Уже то обстоятельство, что, несмотря на существовавшую уже тогда разницу между языками сѣверныхъ монголовъ и письменнымъ монгольскимъ языками, правописаніе у нихъ сохранилось довольно стойко до сихъ поръ, хотя первые писцы монгольские были даже не изъ сѣверныхъ монголовъ, а изъ уйгуротовъ, — уже одно это обстоятельство, говоримъ мы, достаточно, чтобы заставить насъ думать, что имѣлся другой, лежавшій южнѣе, центръ монгольского языка, который ко времени введенія монгольской азбуки на сѣверѣ Монголіи уже закончилъ приспособленіе чужой азбуки и установилъ правила правописанія въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ.

внѣшній видъ не имѣть на себѣ отпечатка древности. Такимъ образомъ, возникаютъ слова, которыхъ можно было бы назвать архикархическими или ультраархическими, болѣе древними, чѣмъ сама древность. Таковы, напримѣръ, халха'скія слова: ша́зъ¹⁾ — „фарфоръ“, (китайское 茶鍾 — „чайная чашка“); его пишутъ: «чагацуң», «чи'гацуң», «сіғацуң», «шагацуң», «шіғацуң», «шацуң», «чацаң», «чачун», «чагацуң» и т. д.; слово б арвас — „паромъ“ (заимствованное изъ русского языка слово „перевозъ“) пишутъ: «бірбағасун», «бірабағасун», и т. д.; слово хіху — „дѣлать“, пишутъ: «кігікү», вместо правильного «кікү»; мү — „лурной“, пишутъ: «му'у», «муу», вместо «ма'у», и т. п.

сочиненіе не легко

Изъ вышеупомянутыхъ примѣровъ уже видно, что ~~всё~~^{такъ} не легко отличить, которая изъ разнообразныхъ формъ, въ какихъ встрѣчаются тѣ или другое монгольское слово въ письмѣ, является единственной правильной и первоначальной, такъ какъ приходится встрѣчаться съ слишкомъ многочисленными вариантиами. Это не только трудно, это почти невозможно. Въ словаряхъ, конечно, можно удѣлять мѣсто и завѣдомо неправильнымъ формамъ, разъ они облегчаютъ пониманіе того или другого литературного произведения, но было бы желательно, чтобы дѣйствительныя письменныя формы отличались какимъ-нибудь знакомъ отъ другихъ, которыхъ представляютъ лишь плодъ невѣжества или небрежности писца. Во всѣхъ нашихъ словаряхъ (Шмидта, Ковалевскаго, Голстунскаго²⁾) многія ошибочные формы разсматриваются какъ „литературные“.

¹⁾ Монгольскія буквы (*письмо*) транскрибируются здѣсь «крупнымъ шрифтомъ въ ковычкахъ», а звуки (*разговорный языкъ*), мною слышанные или только предполагаемые, обозначаются такимъ же крупнымъ шрифтомъ безъ ковычекъ.

²⁾ Монгольско-немецко-российскій словарь, съ присовокупленіемъ немецкаго и русскаго алфавитного списка, составленный Я. Шмидтомъ. СПБ. 1835 г.

Монгольско-русско-французскій словарь, составленный Осипомъ Ковалевскимъ. Т. I—III. Казань. 1844—1849 г.

Монгольско-русскій словарь, составленный проф. И. СПБ. Унив. К. Ф. Голстунскимъ. Т. I—III. СПБ. 1893—1895 г. Дополненія къ монг.-русск. слов.; СПБ. 1896 г. и Посмертные добавленія къ Монг.-русск. слов.; по запискамъ покойнаго проф. составилъ А. Д. Рудневъ. СПБ. 1901 г.

ратурныхъ“, и другими изслѣдователями цитируются безъ дальнѣйшихъ разсужденій какъ „восточно-монгольскія“. Еще хуже обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это часто бывало, современные народныя пѣсни на различныхъ нарѣчіяхъ произвольно передѣльвались европейскими изслѣдователями на „литературный“ ладъ, и такимъ образомъ уже и безъ того значительная путаница дѣлалась еще ужаснѣе.

3. Языкъ современныхъ восточныхъ монголовъ распадается на многія нарѣчія, различія которыхъ не велики, такъ что представители ихъ понимаютъ другъ друга безъ большого труда. По моемъ немногожчисленнымъ наблюденіямъ можно раздѣлить восточно-монгольскія нарѣчія на три группы: 1) южно-монгольскую группу (Чахар, Ордос, Тутумут и т. п.), 2) съверо-восточную группу, которая охватываетъ многія мелкія племена у границъ Манджурии (Хорчин, Олиют, Уджумчиц, и т. п., а также Горлос и Дурбут-байса, имѣющіе особый говоръ) и 3) халха'ское нарѣчіе. Послѣднее представляетъ собою языкъ главной массы населения въ четырехъ аймак'ахъ съверной Монголіи¹⁾ (встрѣчаются и смѣшанныя области) и дѣлится на восточную (хВост.) и западную (хЗап.) вѣтви.

Изъ перечисленныхъ говоровъ мною изслѣдованъ говоръ города Урги (хУрг.)²⁾, принадлежащий къ восточной вѣтви халха'скаго нарѣчія (хВост.) и распространяющейся далеко за границы Тушету-хан'скаго аймак'a. На немъ говорятъ какъ подданные западнаго ханъ ўл³ ц'улгъ или „аймак'a“ (Хан'-ула'скаго сейма князей), такъ и подданные „церковной области“ (обыкновенно: боғдѣ ша'вінэр), — всего около 300.000 человѣкъ. Къ западной вѣтви (хЗап.) принадлежитъ между прочимъ нарѣчіе Хотогойт (по рѣкамъ Дальгир-мурэн и Бэльчир). Между халха'скими нарѣчіемъ и говоромъ Баргу-бурята надо поставить бурятскій-Селенгинскій говоръ, который первоначально былъ чистымъ халха'скимъ нарѣчіемъ и который стоитъ близко къ его восточной вѣтви.

¹⁾ Съверная Монголія (Халха) дѣлится на четыре аймак'a: Цэнзянхан, Тушету-хан, Сайн-лони и Дзасакту-хан.

²⁾ Этотъ говоръ (хУрг.), мѣстными жителями называется просто: ам⁴хъ хеллѣ — „разговорный языкъ“, для отличія отъ бі'чігт или ном⁵хъ хеллѣ — „письменный, литературный языкъ“.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію фонетического значенія знаковъ, употребляемыхъ въ письмѣ и къ сравненію послѣднихъ съ соответствующими звуками въ теперешнемъ халхакомъ нарѣчіи. Другія нарѣчія упоминаются попутно только тамъ, где я о нихъ имѣю достовѣрныя данія и где приведеніе примѣровъ изъ нихъ можетъ въ томъ или другомъ отношеніи освѣтить историческое развитіе халхакаго ургинскаго говора (= хУрг.).

Согласные.

Смычные.

4. Въ монгольскомъ языке названія *tenuis* и *media* не годятся для различенія двухъ рядовъ смычныхъ звуковъ, которые существуютъ въ языкѣ. Я, поэтому, употребляю обозначенія „сильный“ (*fortis*) и „слабый“ (*lenis*).

Сильные (fortes).

5. Существующими въ письмѣ знаками обозначаются сильные смычные: **Ճ** (= «к») — велярный (глубоко-заднеязычный¹⁾); **Ճ** (= «к») — заднеязычный и **Ճ** (= «т») — переднеязычный (альвеолярный?²⁾). Сильный губной былъ въ письменномъ языке неизвѣстенъ; въ позднѣйшее время для него ввели знакъ **Ч** (= «ч»). Характеръ сильного смычного имѣлъ также звукъ, который передавали знакомъ **Ц**. Какой это былъ звукъ, съ точностью опредѣлить нельзя. Я транскрибирую этотъ звукъ посредствомъ «ч» и вношу въ послѣдствіи доказуемъ (см. § 8), что, по крайней мѣрѣ въ некоторыхъ случаяхъ, онъ первоначально имѣлъ значение **т**. Вопрося о томъ, было ли это во

время первоначального письменнаго языка или гораздо раньше, я оставляю неизвестнымъ.

Древне-монгольскій языкъ зналъ такимъ образомъ слѣдующіе сильные: 1) **к**, 2) **к**, 3) **т** и 4) **Ч** (**ч**). Если онъ раньше когда-нибудь зналъ **п**, то этотъ звукъ, во всякомъ случаѣ уже до временъ письменнаго языка, перешолъ въ **б** (*lenis*).

Несомнѣнно все сильные письменнаго языка («**к**, **к**, **т**, **ч**») были взрывные¹⁾ и произносились до некоторой степени съ придыханіемъ²⁾, т. е. какъ **կ**, **կ**, **տ**, **չ**. За исключеніемъ **կ**, мы находимъ эти звуки съ ихъ первоначальной придыхательной силой, можетъ быть, еще въ западномонгольскихъ или ойратскихъ діалектахъ. Въ восточно-монгольскихъ нарѣчіяхъ, въ особенности въ халхакомъ и чахарскомъ, придыханіе или придыхательная рекурсія усиlena, а также и смыканіе слабыхъ (*lenes*) стало энергичнѣе и въ видѣ общаго правила глухімъ (*stimmlos*). Это усиленіе артикуляціи имѣло послѣдствіемъ, что древніе сильные (*fortes*), которые находились только въ началѣ слова, теперь въ хУрг. соединяются съ слѣдующими гласными всегда посредствомъ придыханія, которое я обозначаю знакомъ ‘; следовательно: (**կ-**) **կ‘-**, **տ‘-**, **չ‘-** и **ի‘-**. Но и при переходѣ къ слѣдующему сильному смычному, т. е. передъ началомъ слова, начинающагося съ сильного (*fortis*), сильно подобное придыханіе. Итакъ, въ хУрг. мы можемъ отмѣтить, что при сильныхъ не только рекурсія (конецъ) звука, но, где возможно (см. ниже), и инкурсія (начало) его имѣть придыханіе. Эта инкурсія относится къ предыдущему слову, и въ сущности не подлежитъ разсмотрѣнію въ этомъ параграфѣ. Для наглядности все-таки разсмотримъ ее здѣсь, какъ относящуюся къ сильнымъ (*fortes*) и отличающую такимъ образомъ сильные съ одной только придыхательной рекурсіей **т**, **ի‘** и сильные, имѣющіе, помимо придыхательной рекурсіи, также и придыхательную инкурсію: **‘t**, **‘ի‘**, **‘ch**. Если предыдущий звукъ былъ л или р, то рекурсія его сдѣлалась глухою; следовательно, **լ‘**, **ր‘** или **լ‘**, **ր‘**. Если же данный звукъ былъ смычный или проточ-

¹⁾ О моей терминологии см. ниже: § 6, примѣч. ¹⁾.

²⁾ Начертанія для «**к**» въ серединѣ слова: **Ճ**, на концѣ: **Ճ**; для «**к**» — срединное = начальному, конечное: **Ճ**; для «**т**» — срединное: **Ճ**, на концѣ слова: **Ճ**.

¹⁾ Sievers⁵ § 368; ⁴ § 342. Grundzüge der Phonetik zur Einführung in das Studium der Lautlehre der Indogermanischen Sprachen. Von Eduard Sievers. Leipzig. изд. пятное (1901 г.) и четвертое (1893 г.).

²⁾ Сильные (*fortes*) называются у монголовъ **чайга** — „крѣпкій, сильный, тугой“; Sievers⁵ § 440; ⁴ § 414.

ный, то придыханіе явилось послѣ прекращенія смыканія или сближенія (суженія), и этотъ предыдущій смычный (или же соответственно проточ- ный) выговаривался болѣе или менѣе глухо. Примѣры¹⁾: «тата» > хүрг.
татѣ — „тани, таши, дергай“; «чечег» > пѣцѣк — „цвѣток“; «дар-
кан» > дархъ — „кузнецъ, мастеръ; дворянинъ, свободный отъ податей
и повинностей“; «алтан» > алтѣк — „золото“; «агта» > агтѣ (почта
ахтѣ) — „меринъ, холощоный жеребецъ“.

6. Теперь скажемъ въ отдельности о развитіи сильныхъ заднеязычныхъ к' и к, «к» (задній „к“) видимо уже рано, можетъ быть, еще въ обще-монгольское время, измѣнился въ сложный кх²). Во всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ монгольскихъ діалектахъ, за исключеніемъ нарѣчія бурятъ-Нижнеудинскіхъ, мы находимъ х (часто х') съ сильнымъ сближеніемъ³). Къ какому времени относится этотъ переходъ звука въ монгольскомъ языке, нельзя опредѣлить при помощи современныхъ данныхъ. Вопросъ о томъ, былъ-ли въ діалектѣ, въ которомъ возникло монгольское письмо звукъ к', кх или уже х⁴), оставилъ пока открытымъ; я обозначаю этотъ знакъ посредствомъ «к», такъ какъ можно доказать, что таково его самое древнее значеніе. Переходъ к > х, также какъ и позже к > х, произошелъ раньше всего въ положеніи между гласными, гдѣ мы должны, следо-вателльно, предполагать: 'к'-к'-х'х->х. Такъ напр.: «ака», «укаған», «тоқуқу» письменного языка соответствуютъ въ хУрг. > ахх — „старший братъ“, ухд — „разумъ“, т'оххбхх — „сѣдлать“. Позже, вмѣсто к явился вездѣ х; только въ началѣ слова и послѣ носовыхъ, т. е. въ положеніяхъ, гдѣ инкорсивного придыханія не было, встрѣчается еще иногда въ хУрг. "х, или односторонній х (т. е. съ уменьшающимся

¹⁾ Знакъ > читай — „развился въ...“, знакъ < — „развился изъ...“.

²⁾ Sievers; ⁵ § 801; ⁴ § 750. Судя по транскрипции Кастрена (см. M. A. Castrén, „Versuch einer Burjäischen Sprachlehre“, Спб. 1857) нижнеудинские буряты сохраняют до сих поръ емычный к'.

³⁾ Это развитие знают из турецких языков (см. ниже, стр. 17, прим. ¹⁾). Между прочимъ, языки аугустий и чувашской.

4) Нынешние монголы, а за ними и европейские изследователи, читают здесь х, чтò, однако, ничего не доказываеть. Соответствующий знак квадратного письма П образовался пзь тибетского знака для к .

Способъ передачи монгольскихъ словъ армянскимъ писателемъ Гираге-
сомъ (ср. cit.) былъ: «кх» или «к'».

сближеніемъ). Даље надо замѣтить, что съ прекращеніемъ смыканія область артикуляціи стала шире и неопределеннѣе. Звукъ х въ хург. можно почти точно опредѣлить какъ „передне-велярный“ (*postmetadiopalaatal*), по крайней мѣрѣ, онъ не такой „сильно-велярный“ (глубоко-заднеязычный), или „послѣпалатальный“¹⁾), какимъ, безъ сомнѣнія, былъ первоначальный звукъ k.

7. То-же самое развитіе получило во всѣхъ восточно-монгольскихъ діалектахъ также и заднеязычный звукъ къ, только съ тѣмъ различіемъ, что его развитіе началось гораздо позже и, что оно въ различныхъ діалектахъ еще стоитъ на различныхъ переходныхъ ступеняхъ. Это совпаденіе закона для звука къ съ закономъ для къ было, видимо, обусловлено передвиженiemъ назадъ переднихъ (небныxъ) гласныхъ и усиленiemъ приыханія въ восточно-монгольскихъ нарѣчіяхъ²); ойраты напротивъ удержали какъ къ, такъ и слѣдующій за нимъ передний гласный совсѣмъ неизмѣненнымъ, или почти неизмѣненнымъ.

Во всѣхъ восточно-монгольскихъ діалектахъ к, т. е. 'к', является между гласными въ видѣ х; пацр.: «еке» > хУрг. exхё, чахарск. ехъ, exхё, селенгинск. ехе — „матъ“. Въ другихъ положеніяхъ замѣна к довольно разнообразна и отчасти даже непостоянна. хУрг. имѣеть обыкновенно х, только посль носовыхъ и иногда въ началѣ слова слышно "х. Западные халх'цы (= хЗап.) напротивъ того, имѣютъ въ началѣ слова, посль носовыхъ, а также посль глухихъ слабыхъ (lenes), обыкновенно кх или "х. Примѣры: «седкіл» > хУрг. седxil, хЗап. сед"xił — „душа, чувство (духовное), мысль“; «салкін» > хУрг. салхъ, хЗап. сал"xi — „вѣтеръ“; «мёнке» > хУрг., хЗап. мёнхъ, хУрг. также мёнхъ —

1) Въ виду сказанного, въ моемъ изложении, я буду — согласно терминологии, начавшей теперь приобрѣтать право гражданства въ русской лингвистической литературѣ — называть: монгольскіе звуки г, к и имъ подобные — *велярными* (вм. „послѣ-палатальныхъ“ — „velare“, „post-palatale“. Правильнѣе было бы, конечно, называть ихъ *велярно- или глубоко-заднезязычными*, но для краткости я сохрани терминъ: *велярные*); г, к и т. п. — *заднезязычными* (вм. „средне-“ и „пред-палатальныхъ“ — „medio-“, „prae-palatale“); ј и т. п. — *среднезязычными* (вм. „небныхъ“, „пред-небныхъ“ и пр.); д, т, ц, з, ц, ш, с и т. п. — *переднезязычными* (вм. „зубныхъ“ — „dentale“).

²⁾ Смотри выше § 5.

„вѣчный“; «кѣндеі» въ Ург. хонд^оі, хаз. (и хУрг.) хонд^оі — „пустой“. Этотъ х, развишійся изъ заднеязычного «к», подходитъ все ближе и ближе къ велярному х. Различіе между этими, первоначально разными, звуками теперь въ хУрг. очень незначительно и зависитъ отъ характера слѣдующаго гласнаго. Поэтому я передаю оба эти звука въ хУрг. посредствомъ знака х, не обозначая отънковъ. Это х не тожественно съ немецкимъ звукомъ съ въ словѣ „isch“; оно даже передъ і является болѣе заднимъ и кромѣ того, говоря точнѣе, есть х' или х; т. е. при произношеніи его задняя поверхность языка опускается и надставная труба открывается прежде, чѣмъ голосъ при вновь принятомъ положеніи артикуляціи производить слѣдующій гласный звукъ.

8. О переднеязычномъ смычномъ «т» нельзя сказать ничего особынаго. Изъ всѣхъ сильныхъ онъ подвергся наименьшему измѣненію. Въ хУрг. въ настоящее время происходитъ при т' энергичное смыканіе между кончикомъ языка и верхними зубами.

Переднеязычный (зубной) звукъ, который я обозначаю посредствомъ ч, развился въ хУрг. въ ц' (ц), а передъ і въ ч' (ч). Какъ ц', такъ и ч' суть краткіе дифтонги, т. е. т + с или т + ш и выговариваются legato: тс', тш', т. е. такъ же, какъ „ц“ и „ч“ и въ русскомъ языке. Сильное выдыханіе (экспирація), которое взрываетъ смыканіе т, слѣдуетъ непосредственно послѣ т и продолжается еще черезъ короткій с или ш, такъ что вслѣдъ за уничтоженіемъ сближенія слышится не гласный, а сперва беззвучный переходъ ч'. Графически это можно выразить посредствомъ т' + с' + ч' или т' + ш' + ч'. Я выбралъ обозначеніе: ц' и ч', какъ наиболѣе цѣлесообразное, потому что при выдыханіе, хотя, вѣроятно, стало уже слабѣе, все же выступаетъ только послѣ шипѣнія и яснѣе всего передъ гласнымъ, тогда какъ написанія тс', тш' можно было бы понимать, какъ обозначающія двѣ вершины выдыханія. Мѣсто смыканія и форма языка при артикуляціи т въ т', ц', ч', не совсѣмъ одинаковы; ч', пожалуй, немного болѣе среднеязычное; впрочемъ, эти незначительныя различія трудны для обозначенія, да и не имѣютъ существенного значенія. Вообще говоря, смягчонный т' встрѣчается только въ юго- и юго-восточныхъ монгольскихъ діалектахъ, ч' (тш') которыхъ сильно отличается отъ несмягчонного халхаскаго ч'.

Какъ уже упомянуто выше, въ хУрг. ц' и ч' соответствуютъ письменному «ч». Но что же такое было это «ч»? Въ некоторыхъ восточно-

монгольскихъ діалектахъ этотъ звукъ далъ ч'. Этотъ среднеязычный (смягчонный, цалатализованный) согласный дифтонгъ, кажется, ближе всего подходить къ письменному «ч». Звуки хУрг. ч', ц и ш произошли изъ ч, ц', ш. Цалатализація согласныхъ чужда современному хУрг., но прежде она, должно быть, существовала и въ халхаскомъ нарѣчіи. Древнее ч' измѣнилось, слѣдовательно, въ хУрг. въ ц'; и только, когда слѣдующій гласный былъ і (онъ виослѣдствіи могъ исчезнуть), оно обратилось въ ч'. Какъ согласные дифтонги кх и kh развились изъ древнѣшаго придыхательного к и к, такъ, вѣроятно, и ч' + і восходить къ болѣе древнему придыхательному т' + і. Эта гипотеза имѣетъ свое оправданіе въ томъ, что въ монгольскихъ словахъ слогъ ті совершенно не встрѣчается. Въ словахъ, въ которыхъ можно было бы ожидать встрѣтить его, всегда вместо этого стоятъ чі, напр.: «бічіг» — „письмо“, срв. манджурское «бітхе», джагатайское бітік — idem, уйгурское «бітік»¹⁾ — idem., мадьярское ветї — „буква“, самоѣдское фаду — „писать“; «ечіге» — „стечь“, срв. джагатайское ётага — „ядя, воспитатель“; «чічіре» — „дрожи“, срв. киргизское тітірә, джагатайское тітрә — idem. Этимъ, конечно, я не хочу сказать, что подъ такимъ ч не могутъ скрываться другіе, близко родственныя ему звуки; срв. напримѣръ: «чай» — „время“, джагатайское чак — idem.

9. Губной смычный п' встрѣчается только въ началѣ заимствованыхъ словъ и является вместо первоначальныхъ ф, пх или п. Напр.: п'узы (китайское 舜子) — „лавка“, п'ансай (китайское 盆子) — „денеж-

¹⁾ См. печатаемые пынѣ (1908 г.): Akad. Radloff, „Uigurische Sprachdenkmäler“ (памятники VIII — XIV столѣтій). Почти въ каждомъ изъ нихъ встрѣчаются формы или — въ транскрипції В. В. Радлова: «пітік», «шітік» (?). Глаголъ *біті — повидимому, является однимъ изъ старѣйшихъ культурныхъ заимствованій изъ китайского языка.

Срв. китайское бі — „кисть для писанія“ [діалектическая форма піт и др. Срв. П. Шмидтъ, Опытъ Мандаринской грамматики, стр. 23. (Владивостокъ. 1902 г.), а также W. Williams, Syllabic Dictionary of the Chinese Language, p. 694. Shanghai. 1874 и H. A. Giles (см. ниже § 9)].

Звѣздочка * передъ словомъ, въ сочиненіяхъ по языковѣдѣнію, обозначаетъ, что данная форма возстановлена теоретически (обыкновенно для пракзыка).

шый курсъ¹⁾— „торговля“; п'унт=руск. „фунтъ“; п'уд=руск. „пудъ“; пурва (тибетское ལྕ སྒྱ) — „четвергъ“.

10. Сила придыханія при одномъ и томъ же сильномъ (*fortis*) не всегда одинакова. Несмотря на то, что слогъ съ удареніемъ, а, следовательно, и принадлежащіе къ нему сильные (*fortes*), сильнѣе, чѣмъ каждый неударяемый слогъ или чѣмъ слогъ, имѣющій второстепенное удареніе, сильные которого уже довольно близко подходятъ къ сильно-ударяемымъ (*lenes*) и, несмотря на перемѣну, вызванную количественными различіями между долгими, надкраткими и краткими сильными (*fortes*) звуками, все-же въ ударяемомъ слогѣ также появляются комбинаторные колебанія придыханій.

Придыхательный переход отъ начальныхъ ч, ц, т къ слѣдующему за ними гласному, соответственно короче и слабѣе

въ словахъ:

ч'иххѣ — „ухо“²⁾,
ц'аххар — „чахар“³⁾,
т'охххоб — „сѣдлать“,
т'а т'ахх — „тянуть“,

чѣмъ въ словахъ:

ч'улу — „камень“,
ц'ас — „бумага, рублевая бумажка“,
т'онок — „сбруя“,
т'алла — „равнина; сторона; пріятель“.

Насколько велика эта разница въ дѣйствительности, я не могу сказать, такъ какъ я не производилъ механическихъ измѣреній; но что эта

¹⁾ Собств.: „блюдо, лотокъ“ (ср. H. A. Giles, A Chinese-english dictionary. London. 1892. Иероглиф 8620 и соединенія съ нимъ).

Всѣ китайскіе іероглифы и ихъ значенія любезно протѣрены пріятель-доцентомъ СПБ. Университета А. И. Ивановы мъ и и. д. лектора кит. яз. г. Чэньгъ; тибетскіе примѣры — Б. Б. Барадійнъ мъ.

²⁾ Гирагосъ пишеть: *dechih* рядомъ съ *tchikin*, см. H. Howorth, History of the Mongols, Part. III, p. 88.

³⁾ Риттеръ [„Землевѣдѣніе Азіи Карла Риттера“ (перев. и дополн. П. Семеновъ. СПБ. 1856 г.) стр. 334] и др. пытались произвести это название народа отъ слова *захх* — „граница“, чѣмъ, конечно, не подходитъ. [Ср. возраженіе Риттеру: I. J. Schmidt, Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersburg. VI Série, T. II, p. 415 (1834)]. Слово *захх* мы находимъ напр. въ имени *јака* или *саха* — „якуты“. Монг. „чакар“ (у калмыковъ: *цахр*) обозначаетъ — „живущіе около княжескаго двора простолюдины (ремесленники, служащіе и др.)“; срв. Радловъ, Опытъ Словаря Тюркскихъ народовъ, т. III, стр. 1833.

перемѣна древняя, можно заключить изъ монгольскихъ записей Гирагоса. Въ хУрг. это подтверждается часто встрѣчающимися вариантами: *хатъ* — „благородная лада“; *х'отъ* — „городъ, мѣсто постройки“, *хатъ* — „крепко“; *х'етъ* — „огниво, огнивица“; *х'атът* — „китаецъ“ паряду съ обыкновенно употребляемыми *хатъ*, *х'отъ*, *хатъ*, *х'етъ*, *х'атът*. Ясно, что здесь перемѣна обусловливается тѣмъ, что выдыхаемая струя воздуха въ одномъ случаѣ служить для образования *дугъ* сильныхъ (*fortes*), а въ другомъ — для образования только *одного*, и въ то время какъ въ первомъ случаѣ второй, удвоенный сильный звукъ количественно не измѣняется, первый краткій лишается своего сильнаго придыханія. Это, следовательно, то же самое явленіе, которое мы встрѣчаемъ въ греческомъ (*τιθημι* — вместо *θιθημι*) и въ санскритскомъ языке (*बह्विवा* вм. *व्हाविवा*).

Слабые (*lenes*).

11. При помощи знаковъ, служащихъ для передачи звуковъ к, к' и т (§ 5), выражаются и соответствующіе слабые (*lenes*). Вездѣ, где мы въ письменномъ языке имѣемъ дѣло не съ сильными (*fortes*), а со слабыми (*lenes*), какъ глухими, такъ и звонкими, я транскрибирую соответствующіе монгольскіе знаки (→ ; ← ; ♂ или ♀) посредствомъ «і», «Г» и «д». Въ некоторыхъ монгольскихъ книгахъ, для отличія слабыхъ отъ сильныхъ, при велярномъ «і», начинающемъ собой слогъ (изрѣдка также при стоящемъ на концѣ слова), ставятъ слѣд. двѣ діакритическіе точки¹⁾. Въ другихъ сочиненіяхъ ставятъ эти точки при «к» и «К» — въ отличіе отъ «і» и «Г», и даже при «к» и «Г» — въ отличіе отъ «к» и «Г». Для обозначенія слабаго переднеязычного («д») въ концѣ слова — имѣется особое начертаніе ♀ . Слабый ц, соответствующій звуку ч и имѣющій въ началѣ словъ начертаніе однаковое съ «і» или «j» (↑), передается въ серединѣ словъ черезъ ц . Для выраженія слабаго (*lenis*) губного «б» имѣется знакъ ♂ . Такимъ образомъ письменный языкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и древне-монгольскій языкъ, знали слѣдующіе слабые (*lenes*) смычные: 1) і, 2) г, 3) д, 4) ц и 5) б.

¹⁾ Начальное начертаніе: = → ; срединное: == ↑ ; (конечное: = ♀).

12. Эти древне-монгольские звуки были первоначально, по всей вероятности, „раздвижными слабыми“ (*lösungslenes*), т. е. смыканье ихъ открывалось постепеннымъ раздвижениемъ смыкающихъ частей, а не взрывалось подъ напоромъ выдыханія („экспираціи“). Остается только неизвѣстнымъ, — были ли они первоначально глухими или звонкими, или же они представляли собою смыщеніе иѣсколькихъ звуковыхъ рядовъ. Если предположимъ, что существовало два ряда непридыхательныхъ звуковъ, — звонкіе (*mediae*: ՚, ՚, ՚, ՚ и ՚) и глухіе (почти *tenues*: ՚, ՚, ՚, ՚, ՚), — то все же представляется невозможнымъ теперь опредѣлить, въ какихъ сочетаніяхъ и словахъ стояли *tenues*, и въ какихъ — *mediae*¹⁾.

Въ періодъ введенія письменности языкъ зналъ, вероятно, только одинъ рядъ слабыхъ (*lenes*) смычныхъ, были ли то глухіе, или звонкіе. Если же судить обѣ этомъ на основаніи данныхъ изъ тѣхъ нарѣчій, которыя вообще близко подходятъ къ письменному языку, то пришлось бы, въ большинствѣ случаевъ разсматривать слабые (*lenes*), какъ звонкіе. Но, насколько можно судить по имѣющимся теперь въ нашемъ распоряженіи скучнымъ свѣдѣніямъ, въ сѣверо-монгольскомъ языке есть данные о существованіи глухихъ слабыхъ (*lenes*) уже въ очень ранній періодъ, — по крайней мѣрѣ съ 1241 года. Напр., Гирагосъ пишетъ²⁾: «՚ для слабаго (*lenis*) и «՚» для сильнаго (*fortis*) — переднеязычные: *bitun* — „глазъ“ (хУрг. нүд ~ нүддү³⁾; письм. «нідүн»); *tarasu* — „вино“ (хУрг. дарас, и. «дарасун»); *tangez* — „море“ (калмыцк. таңгىз); *eoltu*, *ialtu* — „мечъ“ (хУрг. јылд, и. «ілдүн»); *otur* — „свѣтъ“ (хУрг. ўддур, и. «едур» — „день“); *hutut* — „звѣзда“ (хУрг. оддѣт, и. «одуд» — „звѣзды“); но *thanghri* — „богъ“ (хУрг. т’енгэр, и. «теңрі» — „небо“); *thiuron*, *thiru* — „голова“ (хУрг. түрү, и. «терігүн»); *thobqlqa-thula*, *thaplqa* — „заяцъ“ (хУрг. тұлә, и. «таулай»); *thaman* — „верблюдъ“ (хУрг. тәмә, и. «темеге») и др. Точно также онъ обозначаетъ обыкновенно заднеязычный слабый посредствомъ „՚“, въ словѣ *skhur* — „зубъ“ (срв. есгүр, письм. «ескегүр» или «ескегүр»⁴⁾) — „рѣзецъ“) даже че-

¹⁾ Sievers⁵ §§ 370—375.

²⁾ См. H. Noworth, op. cit., Part III, p. 88.

³⁾ Знакъ — читай: — „чредуется съ...“.

⁴⁾ Ср. ниже § 16.

резъ ՚, а въ словѣ *thanghri* черезъ ՚. Ясно, такимъ образомъ, что слабые, особенно въ началѣ словъ, уже въ то время были глухими, и что для Гирагоса различіе между сильными и слабыми заключалось въ наличности или отсутствіи придыхательного перехода къ гласному. Все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ на большую давность существованія теперешнихъ глухихъ слабыхъ (*lenes*) въ сѣв.-монгольскихъ нарѣчіяхъ.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло съ глухими и звонкими слабыми (*lenes*) въ халха'скомъ нарѣчіи.

Въ отношеніи ихъ можно отмѣтить слѣдующіе три случая.

Во первыхъ, есть случаи, гдѣ мы *всегда* встрѣчаемъ глухіе слабые; это въ видѣ правила является въ сочетаніяхъ слабый (въ концѣ слова) ← сильный или с, ш (въ началѣ слѣдующаго слова). Во вторыхъ, — случаи, гдѣ мы *всегда* слышимъ звонкіе звуки (NB. переднеязычные являются всегда въ видѣ глухихъ: ՚, ՚, ՚). Наконецъ, въ третьихъ, — случаи, гдѣ глухіе и звонкіе *чредуются* безъ всякаго различія, лишь въ зависимости отъ правилъ фонетики предложенийъ (такъ называемое *sandhi*). Это послѣднее касается слабыхъ въ началѣ и концѣ словъ.

Рассмотримъ теперь эти три случая въ обратномъ порядке.

13. При сравненіи хУрг. слабыхъ (*lenes*) въ началѣ словъ, съ подобными же въ хЗап. и хВост., оказывается, что въ хВост. преобладаютъ звонкіе, въ хЗап. — глухіе, а хУрг. до некоторой степени колеблется между ними.

Звонкіе и глухіе слабые чередуются въ рѣчи хУрг., причомъ для самого говорящаго совершенно невозможно даже замѣтить какую-либо разницу въ ихъ произношеніи. Вся разница заключается въ томъ — слышится ли, или не слышится голосъ („blählaут“¹⁾) въ моментъ смыканія, такъ какъ у слабыхъ (*lenes*), во всякомъ случаѣ, либо инкуреція (начало), либо рекуренція (конецъ) звонка. Въ началѣ такта рѣчи (*sprechakt*) и послѣ каждого новаго подъема выдыханія (*exspirationshub*), я слышу звуки безъ участія голоса; въ серединѣ же такта рѣчи голосъ, послѣ предшествующаго звонкаго звука, не обрывается, и голосъ слышится тогда въ самый моментъ смыканія. Звонкіе звуки обозначены мною черезъ ՚, ՚, ՚ и ՚, а соотвѣтствующіе глухіе черезъ ՚, ՚, ՚ и ՚.

¹⁾ Sievers⁵ § 337; ⁴⁾ § 334.

Переднеязычный-слабый «д» въ хУрг. замѣненъ во всѣхъ случаяхъ глухимъ смычнымъ дъ. Звонкаго варианта, — которого слѣдовало бы ожидать, по соотвѣтствію съ замѣной велярныхъ, заднеязычныхъ и губныхъ слабыхъ (*lenes*) — въ правильной хУрг. рѣчи никогда нельзя услышать; они обыкновенно встрѣчаются лишь на восточныхъ и южныхъ границахъ области распространенія этого говора. Точно также трудно уловить въ „согласныхъ дифтонгахъ“ з и ц, соответствующихъ письменному ч, дрожаніе голосовыхъ связокъ въ моментъ смыканія (д), ихъ слѣдовало бы поэтому изображать черезъ з и ц, но по графической причинѣ знакъ „з“ здѣсь упускается; сравни, бывшее до послѣдняго времени обще-принятымъ, русское правописаніе чж (Маньчжурия), цз (Цзасынь)¹⁾.

14. Конечный смычный въ письменномъ языке былъ всегда слабымъ (*lenis*), что въ хУрг. наблюдается еще и теперь. Въ транскрипціи, принятой до сихъ порь, обыкновенно писалось к, л, т и б.

Въ хУрг., въ абсолютно-конечныхъ слогахъ (т. е. передъ паузой) мы имѣемъ здѣсь глухіе звуки, а въ слогахъ, за которыми слѣдуютъ еще другіе слоги, и въ такихъ, где голосъ продолжается отъ предшествующаго звонкаго, черезъ смычный переходитъ въ слѣдующій за шімъ звонкій, мы имѣемъ звонкіе т, г и б. Въ абсолютно-конечныхъ слогахъ, вслѣдствіе сильного уменьшенія энергіи артикуляціи, краткій гласный проявляется съ недостаточностью голосомъ (гемиголосъ²⁾), и поэтому инкурсія (начало) конечнаго смычнаго является глухой. Вслѣдствіе этого на концахъ многосложныхъ словъ я пишу: к, к, т, н, а въ односложныхъ — т, т, д, б; напр.:

номнүт—„книги“, род. п.	письм.	«ном-нуг’уд», «ном-нуг’уд-ун», «алаг», «тулуб».
[номнүд]—„книга“		
аллак—„пестрый“, түлүп—„вѣжливость“		

¹⁾ По вопросу о правильности написанія чж, цз см. А. Д. Рудневъ, „Зашита докторской диссертациіи д-ра Г. И. Рамстедта и два его труда въ области монгольской грамматики“. (Труды Троицкосавско-Клятинского отд. Приамурскаго отд. И. Р. Географического Общ. Т. VI, вып. 2 (1903 г.) стр. 107—111 и 123. Въ „дополненныхъ“ отдѣльн. отд. стр. 10—14 и 26).

²⁾ Sievers⁵ § 279 и слѣд.

мод—„дерево“	письм.	«модун»,
хаг—„мохъ“		«каг»,
чіг—„прямota“		«чіг»,
аб—„возьми“		«аб».

Подобнымъ же образомъ я примѣняю знаки *tenues* и въ такихъ случаяхъ, какъ напр.:

тарт — „въ рукѣ“	см. § 51.
յунт — „къ чему“	

турп — „три“

Изъ числа слабыхъ (*lenes*) — въ письменномъ языке на концахъ словъ никогда не встрѣчаются ц и, вѣроятно, ни въ одномъ нарѣчіи оно не отмѣчено въ такомъ положеніи въ качествѣ первичнаго. Но за то, дѣлѣ временемъ письменнаго языка, оно могло существовать въ древне-монгольскомъ языке какъ конечное ц (глухой ц=ч?) въ такихъ словахъ, где турецкіе языки¹⁾ указываютъ на ч, а теперь мы имѣемъ въ хУрг. т (д); напр. въ глагольномъ суффиксе — «-тад», «-гед», срв. татарск. — «-бач», «-геч». Примѣры подобнаго перехода мы встрѣчаемъ теперь только въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ, где з и ц, послѣ выпаденія конечнаго гласнаго, оказались непосредственно передъ д, с или ш; напримѣръ:

бездѣ-дѣ > беддѣ „все же, же“;
ўці сўху > ўд-сўху — „сидѣть и пить (сидѣть за питьемъ)“;
jawâці шаххâхâ, или > jawâд-шаххâхâ — „приближаться (ида приближаться)“.

15. Разсмотримъ теперь тѣ случаи, когда слабые (*lenes*) замѣняются звонкими звуками. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы не будемъ касаться переднеязычныхъ, т.къ какъ они, видимо, слѣдуютъ своимъ осо-

¹⁾ „Турецкіе языки“ — т. е. вся семья языковъ, которую до сихъ порь называли тюркской или турецко-татарской. Ср. П. М. Меліоранскій, „Турецкія нарѣчія и литературы“. (Энциклопедический Словарь Брокгауза и Эфрона, т. XXXIV, стр. 139. СПБ. 1902), а также Ф. Коршъ, „Происхожденіе формъ настоящаго времени въ западно-турецкихъ языкахъ“. Прим. 1. (Древности Восточныя, т. III, вып. 1. Москва. 1907 г.).

быть законамъ. Въ положеніи между гласными слабые (*lenes*) г, г и б были, по всей вѣроятности, съ самаго начала звонкими. Въ хУрг. говорѣ оны теперь образуются съ неполнымъ, въ болѣйшей или меньшей степени, смыканіемъ, т. е. они уже теперь являются своего рода проточными.

а) Звонкій г въ хУрг. отличается своимъ рѣзкимъ и сильнымъ веларнымъ шумомъ. Соответствующій звукъ въ бурятскихъ нарѣчіяхъ немного болѣе открытый, и сравнивается Орловымъ¹⁾ съ русскимъ „гр“ въ словѣ „громъ“. По моимъ наблюденіямъ, здѣсь имѣется мало открытый и очень задній „г“ т. е. б или г. Для болѣйшей простоты въ обозначеніяхъ я пишу г, такъ какъ знакъ „б“ въ сочиненіяхъ по языкоизданію принять для обозначеній гораздо болѣе открытаго звука. Напр. «кағас» > хагас — „расколотый на-двоє, половина“; «куғус» > хуғус — „разломанный надвое (пополамъ)“; «ағуі» > ағуі — „пещера“; «сағуғад» > сүғад — „сидѣвшій“.

б) Звонкій г въ хУрг. образуется также съ неполнымъ смыканіемъ. Слуховое отличие его отъ европейскаго „г“, однако, не велико; поэтому я изображаю хУрг. звукъ посредствомъ г. Напр.: «ге(ге)ген» > хУрг. гегэ — „свѣтъ, святой“; «дүгүргэй» > хУрг. дүгүргэ — „круглый“; «үгэй» > хУрг. үгї, үгї, гё — „нетъ, не, безъ“.

в) Звонкій б въ хУрг. между гласными (и послѣ р) расширился въ проточный, но безъ особенно сильного шума при протокѣ воздуха между обѣими губами; я обозначаю этотъ хУрг. звукъ, который тождественъ съ англійскимъ w — черезъ w; напр.: «ябуку» > jawаха > jawха — „идти“; «дабага» > дава — „горный перевалъ“; «сбуген» > ўшүгу > ўвгү — „старикъ“. Этотъ звукъ w въ хУрг. является уже вполнѣ усвоеннымъ, такъ что монголы могутъ его произносить какъ въ началѣ словъ, такъ и въ концѣ, напр.: waң (китайск. 王) — „князь, ванъ“; aw (аб) — „возьми“, срв. awса, awдак и др.

Послѣ соноровъ²⁾ слабые (*lenes*) являются, въ видѣ общаго правила, звонкими смычными, за исключеніемъ лишь сочетанія «rb», — из-

¹⁾ Грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, составл. прото-иреемъ А. Орловымъ. Казань. 1878 г. Стр. 3, § 7.

²⁾ т. е. послѣ такъ называемыхъ плавныхъ вродѣ р, л, 1 и послѣ носовыхъ.

мѣнившагося въ pw. Напр.: «арг‘а» > арг‘а — „хитрость, средство“, «терген» > т‘ергэ — „телъга“; «оң‘ојіл‘аку» > оң‘өл‘аха — „открывать“; «амбан» > амбә (буххү) — „взрослый (воль“; «алба» > албә — „служебная обязанности, повинности, дань“; «Гурбан» > ғурвә или ғурв (ғурп), — „три“; «дүрбен» > дүрвү или дүрв (дүрп) — „четыре“.

16. Остается еще разсмотрѣть замѣнѣ срединныхъ слабыхъ (*lenes*) въ сочетаніяхъ съ согласными. Встрѣчаются слѣдующія сочетанія слабыхъ съ сильными: «ғк», «гк», «ғт», «гт», «ғч», «гч», «дк», «дк», «дч», «бк», «бк», «бт», «бч». Въ письменномъ языкѣ здѣсь, можетъ быть, слѣдовало предположить глухіе слабые (*lenes*), которые, вслѣдствіе придыхательной инкурсіи сильныхъ, сдѣлались какъ бы придыхательными слабыми. Отчасти они еще встрѣчаются въ этомъ видѣ, — особенно при винятномъ произношеніи, — отчасти же они перешли въ проточные. Только «б» (глухой б) передъ х (< «к», «к», см. выше §§ 6, 7) перешло въ глухой звукъ, соответствующій звонкому w, который я обозначаю черезъ ѿ. Звукъ этотъ, при своемъ образованіи, производить незначительный губной шумъ, и ѿх иногда произносится какъ х съ скругленными вицать губами. Напр.: «ағта» > ағ‘та (> ахта) — „меринъ“; «чідкүр» > چ‘ұхұр — „чортъ“; «абку» > аұхә (> ахә) — „брать“; «дабкүр» > даушхар — „слой, пласть, этажъ, двойной“; «еб-тей» > ебт‘ё — „въ дружбѣ“. Передъ безголосными с, ш, д, (з, ц) мы встрѣчаемъ также глухіе, въ качествѣ замѣстителей прежнихъ звуковъ, напр.: «ағсуку» > ағсаха — „мѣнять“; «шоғшіку» > шоғшхә — „ѣхать тихой рысью“; «абдара» > абдэр — „ящикъ“; «бўгдур» > бўғдур — „горбатый“.

Соединенія заднеязычныхъ и губныхъ слабыхъ (*lenes*) между собой и съ плавными — даютъ звонкіе звуки; напр.: «օғбеі», ср. > хУрг. ўгвә — „далъ“; «аблаку» > әвләхә — „колдовать (?)“; «чаглаку» > ҵагләхә — „замѣтить, считать“.

Какъ читатель уже видѣлъ изъ предыдущаго, слабый (*lenis*) ц совсѣмъ не встрѣчается въ этихъ сочетаніяхъ. Въ письменномъ языкѣ «ц» никогда не бываетъ на концѣ слова. Если мы предположимъ, что въ древнемонгольскомъ языке существовалъ срединный ц передъ согласными, то является вопросъ, чѣмъ онъ былъ замѣненъ? Въ письменномъ языкѣ часто встрѣчается чередование «с» и «д»; мы имѣемъ, напр., соче-

танія «с» и «д» съ заднеязычными. многими исследователями эти сочетанія были записываемы въ видѣ: «ск, ск, тк, тк». Въ хург. въ такихъ случаихъ второй согласный является звонкимъ, (редко — глухимъ), напр.: босг'охъ — „поднимать“; налг'аха (наслг'аха) — „дать играть“; цадг'аха — „насытить“; это указываетъ прямо на то, что въ письменномъ языке слѣдуетъ читать такъ: «босг'аку», «наслг'аку», «чадг'аку». Въ некоторыхъ нарѣчіяхъ первый согласный бываетъ „с“, въ другихъ „д“, но въ некоторыхъ словахъ звуки эти встречаются какъ разъ наоборотъ, такъ что трудно установить для ихъ чередованія определенные законы. хург. говоръ также колеблется въ этомъ отношеніи; такъ напр.: наслг'аха является рядомъ съ налг'аха, а босг'охъ и седх'ихъ — „думать“ — рядомъ съ бурятскими ботг'аха и бесскехе. Здѣсь, такимъ образомъ, слѣдуетъ предположить или смѣшну этихъ звуковъ уже въ монгольскомъ пражалкѣ, или существование различныхъ звуковъ съ самого начала, или смѣщеніе нарѣчій или что-либо подобное; въ такихъ же словахъ слѣдуетъ искать также конечный «ц». Примѣры: «емгеніскү» ~ «емгенідкү» — „безпокойтесь, печалитесь“; «ебескү» — „болѣть“ ~ «ебедчин» или «ебечин» — „болѣань“; «емускү» — „одѣваться“ ~ «емудун» или «юмудун» — „штаны“¹⁾; «еме-с» — „матери“ ~ «емеге-д» — „старухи“.

17. Выше мы оставили безъ разсмотрѣнія нереднеязычные слабые (lenes) «д» и «ц» въ положеніи между гласными. Въ настоящее время письм. «д» замѣнено въ хург. глухимъ звукомъ ぢ (почти = т), а письм. «ц» дало въ хург. передъ «і» звукъ چ (дж), въ остальныхъ случаихъ — ڏ (ձ), напр.: ڻدڻر — „день“, ڻاڙزپ — „земля“, ڻوڻر — „солончаковая почва“ < «едур», ڻاڙپار», ڪوڙپر». Въ письменномъ языке «ц» иногда замѣняется «ч»; напр. «абчу, گارчу»; ср. хург. ابڻى (также ڻبى, گارپ), чтò можетъ выражать или глухой چ или же сильный (fortis) ч. Звукъ ぢ настолько приблизился къ сильнымъ, что въ окончанияхъ онъ часто измѣняется въ т; напр.: jawâт-ぢ { «jabug'ad-ele»; ноjjdt — „князъ“, genitivus (родительный падежъ); ноjjdt ڻваряду съ правильнымъ ноjjdt — „князей“.

¹⁾ Срв. П. М. Мелioranskij, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языке (Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Археол. Общ. т. XV. СПБ. 1903 г. и отд. отт.), стр. 123, «амудун» — „штаны“.

Общее замѣченіе объ алфавитѣ.

18. Тѣмъ, кому не приходилось слышать монгольскую рѣчь, покажется страннымъ, что «к» имѣть тотъ-же знакъ, что и «Г» (двѣ точки, которые должны служить для отличія, употребляются разно — одними для «Г», другими для «к», но довольно непослѣдовательно), а также, что «к» пишется одинаково съ «Г» и что «т» — одинаково съ «д». Много уже писалось о большой неясности и несовершенствѣ монгольского алфавита и, на самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать, что у этого алфавита, имѣющаго уйгурское происхожденіе, есть очень крупные недостатки. Но изъ того, что говорено выше, видно, что вообще не легко определить, гдѣ нужно писать «к» или «Г», гдѣ «т» или «д». Современная транскрипція въ этомъ отношеніи часто не сходятся и, гдѣ Ковалевскій пишетъ «Г», Бобровниковъ пишетъ «к»; гдѣ у Бобровникова «т», тамъ у Позднѣева часто «д» и т. д. Транскрипція, примѣнявшаяся до сихъ поръ, во многихъ отношеніяхъ не точнѣе алфавита письменного языка. Я рѣшительно возражаю противъ орфографіи монгольскихъ словъ, принятой выдающимся современнымъ монголистомъ А. М. Позднѣевымъ, пишущимъ согласно съ письменнымъ языкомъ и въ своихъ халхѣскихъ записяхъ напр. „модбн“ (— „дерево“): 1) звукъ д, стоящий послѣ краткаго гласнаго первого слога, въ хург. длительный (какъ бы удвоенный), см. § 61, А, 2, б.; 2) д въ хэап. и хург. — глухой, см. §§ 12, 13, 17; 3) краткій гласный во второмъ слогѣ сокращается (см. § 39, а также срв. у Бобровникова: модбн¹⁾), или даже совсѣмъ выпадаетъ (см. § 51); 4) «н» замѣняется теперь въ концѣ словъ неяснымъ носовымъ отгѣнкомъ гласнаго, который въ концѣ такта рѣчи (sprechtakt) дѣлается глухимъ и теряется (§ 32, Б) и 5) удаленіе не правильно (см. § 59); такимъ образомъ по халхѣски это слово звучить не „модбн“, а моддә или мод. Этого одного примѣра пока достаточно. Нельзя при такихъ обстоятельствахъ требовать отъ монголовъ, которые всетаки дѣлали значительныя усилия для улучшения унаслѣдо-

¹⁾ Грамматика монгольско-калмыцкаго языка. Соч. Алексея Бобровникова. (Казань. 1849) §§ 65 и 68.

ваниаго ими алфавита, чтобы они могли строго различать или просто группировать звуки: т, т̄, т̄, д и д или х, х̄, г̄ и г̄ т. д. Промахи и неподдовательности квадратного письма лучше всего показывают тщетность усилий на этом пути. Поэтому и теперь они напримѣр слово цаг̄ — „время“ пишутъ или «чак» Ч или «чаг̄» Ч, считая въ первомъ случаѣ конечный звукъ глухимъ, во второмъ же слабымъ (lenis). Только на основаніи произношенія самихъ монголовъ возможно установить фонетическое тождество различныхъ обозначеній.

Исчезновеніе звуковъ.

19. Въ письменномъ языке «г» и «г̄» часто являются между гласными тамъ, где эти послѣдніе въ теперешнихъ нарѣчіяхъ слились въ одинъ долгій гласный звукъ. Въ этомъ случаѣ знаками слабыхъ смычныхъ «г» и «г̄» обозначены звуки особаго рода, вѣроятно звонкіе проточныѣ (б и б̄). Про характеръ и образованіе этихъ двухъ звуковъ теперь нельзя еще сказать ничего положительнаго. Ясно только, что эти звуки уже очень рано начали исчезать. Сейчасъ въ хург. нельзя найти и слѣда суженія надставной трубы, которое соотвѣтствовало бы звуку, обозначаемому въ письмѣ. Изъ объясненій Бобровникова¹⁾ можно было бы заключить, что въ „монгольско-калмыцкомъ“ языке еще существуютъ какія-то „придыханія“, сообщающія „гласной буквѣ долгій звукъ“, но, мы знаемъ, что въ калмыцкомъ языке получились точно такие же долгіе гласные, какъ и въ халхаѣскомъ нарѣчіи²⁾. Въ хург. говорѣ, какъ въ кориѣ, такъ и въ аффиксахъ, встрѣчаются слѣдующія развиція звуковъ:

«ага» > ā; напр.: «тагаку»	> т'ахъ — „отгадывать“.
«имаган»	> јамѣ — „козель“.
«еге» > ē; напр.: «дегел»	> дѣл — „шуба“.
	«дегеге» > дегѣ — „кроючокъ, удочка“.
«ога» > ő; напр.: «тога»	> тő — „число, количество, множе-
	ство“.
«дологан»	> дол҃ — „7“ (?).

¹⁾ Ор. сіт., стр. 12 и сл.

²⁾ Срв. ниже § 24, прим. 2).

«öge» > ō; напр.: «öгеде»	> öдб — „вверхъ“.
«ködöge»	> хұдб — „степь“ (?).
«агу» > ý; напр.: «агула»	> ўлай — „гора“.
	«катагу» > ха́тý — „твёрдый, крѣпкій“.
«егү» > ÿ; напр.: «егүле»	> ўлү — „облако“.
	«білегү» > бўлў, бўлў — „точильный камень“.
«үгү» > ý; напр.: «үгураг»	> ўрәк — „молотиво“.
	«кургун» > хурў — „пажецъ“.
«үгү» > ý; напр.: «түгүкей»	> тўхі — „незрѣлый, не(до)спѣлый“.
	«күпүгүн» > хўзў — „шея“.
«іга» > ā; напр.: «сігаку»	> шахў — „вбивать, вколачивать“.
	«үгігаку» > угахў — „мыть“.
«іге» > ē; напр.: «сігесүн»	> шесѣ — „урина“.
	«тўліге» > тўлѣ — „топливо, дрова“.
«ігү» > ý; напр.: «нігүку»	> нүхў — „скрыть, утаить“.
	«арігүн» > арў — „чистый“.
«ігү» > ý; напр.: «шігүкў»	> шўхў — „пѣдить, судить“.
	«терігүн» > тўрў — „голова, начало“ (срв.

[§ 32, А].

«ого» > ő; напр.: «огосур»	> бѣбр — „лента, подвязка“.
«öгö» > ō; напр.: «кёгёркен»	> хўрхѣ — „миленький, бѣдняжка“ ¹⁾ .
«ігі» > ī; напр.: «чігіг»	> чїг — „сырой, влажный, мокрый“.

Вопросительные знаки, поставленные при некоторыхъ примѣрахъ, указываютъ на то, что въ этихъ случаяхъ переходъ звука сомнителенъ. Такъ, вмѣсто «ога», «öge» въ окончаніяхъ, слѣдуетъ, вѣроятно, читать «уга», «үгэ»; относительно «ігү» нельзя съ увѣренностью сказать, что въ хург. ў въ первомъ слогѣ восходить къ «і» (срв. § 55); о словѣ «пур» — „лицо“ я думаю, что оно было заимствовано въ монгольский языкъ какъ односложное (?), хотя и пишется теперь «нігур». Только въ аффиксахъ мы встрѣчаемъ: «уга» > ā (ő, если въ первомъ слогѣ было о); «үгэ» > ē (ő — послѣ ó (ÿ); вмѣсто «іга» и «іге» пишется также «іја» и «іје»). Относительно аффиксовъ слѣдуетъ еще принять

¹⁾ Повидимому заимствовано и архаизировано (срв. стр. 4). Срв. уйгурск. көрк — „красота“; джагатайск. көркәм — „красивый“.

во внимание, что они въ монгольскомъ языке очень часто, благодаря аналогіямъ, взаимно сблизились другъ съ другомъ, и что не всегда удаётся точно прослѣдить правильный ходъ развитія звука. Слѣдовательно, такие примѣры для «-үге», какъ: «ірелүге» (срв. >хУрг. ірлә— „уже пришлось“); «үглүге» («öглүге»?) (срв. хУрг. ѿглө— „утро“) и «кікү-лүге» (срв. хУрг. хіхэлөр — „благодаря тому, что дѣлаютъ“), здесь не могутъ считаться за нормы.

20. Письменный языкъ не разъясняетъ, отчего, напримѣръ, слово «каған» — „ханъ“ въ теперешнемъ языке обратилось въ хә, а «чаган» — „белый“ дало ҇ага. Можетъ быть, здесь надо предположить существование не только различныхъ звуковъ: проточного ү и смычного ҭ, но и различие въ удареніи. По этому вопросу, однако, я не рѣшаюсь еще высказаться; могу только указать на традиціонный способъ чтенія монголовъ (книжный жаргонъ); напр.: 1)

«дағаку» читается: { дағахү = хУрг. даҳа — „быть въ состояніи нести; начальствовать“ и
дағахү = хУрг. дағаха — „слѣдовать“;
«унаға» читается: { унаға = хУрг. уна — „верховая лошадь“ и
унаға = хУрг. унағ — „жеребенокъ“¹⁾.

Это стяженіе двухъ гласныхъ звуковъ въ одинъ долгій является однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ отличія древнаго письма отъ болѣе новаго устнаго языка. Оно проведено во всѣхъ монгольскихъ нарѣчіяхъ и притомъ уже съ давнихъ поръ²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ литературѣ по монгольскому языку такія, не подвергшіяся стяженію, формы, постоянно, неправильно разсматривались какъ „восточно-монгольскія“. Что „восточно-монгольское“ нарѣчіе въ этомъ отношеніи нисколько не отстало отъ бурятскаго и калмыцкаго, показываютъ намъ монгольскія слова, сообщенные Гиррагосомъ³⁾. Онъ напр. пишетъ: thiuron, thiru — „голова“, skhur, skhursitun — „зубъ“, iman — „коza“, thaman — „верблюдъ“, которыя въ письменномъ языке имѣютъ видъ: «теригүн», «есегчүр» (— „рѣзецъ“), «имаган», «темеген». Эти же слова теперь въ хУрг. звучатъ түрү, естүр, ямә и т'емә. Изъ этого слѣдуетъ, что произношеніе этихъ словъ въ 1241 году мало чѣмъ отличалось отъ тепе-

¹⁾ Срв. Бобровниковъ, оп. сіт., стр. 17, § 35.

²⁾ Срв. ниже § 21, примѣръ.

³⁾ H. Noworth, оп. сіт., р. 88.

решняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы тутъ видимъ, какъ относился письменный языкъ къ разговорному языку тринаццатаго вѣка¹⁾.

21. Судя по старинному правописанію, кажется, что также и «б» въ нѣкоторыхъ словахъ и окончаніяхъ подвержено подобному же исчезновенію; это «б» въ такихъ словахъ, должно быть, обозначало губогубной проточнѣй звукъ w (англійскій w), но у меня слишкомъ мало примѣровъ, чтобы я могъ считать себя вправѣ на основаніи ихъ устанавливать общія правила. Укажу напр.: «оберүн», «обер» — срв. > хУрг. бр҇, бр҇, но по дэрбетски (около города Кобдо): бѡрбѡн; «дебел» (на ряду съ «дегел») — „шуба“ — срв. > хУрг. дѣл и Баргу-бурятск. дегел, но по дэрб.-Кобдо дешёлэн — idem.²⁾. Я склоняюсь къ тому мнѣнію, что вышеизложенные звуки, обозначенные черезъ ҭ и ҭ, подъ вліяніемъ предшествующаго губного гласнаго звука, могли меняться съ w или ему подобнымъ звукомъ, изображавшимся въ письмѣ иногда въ видѣ «б», а иногда въ видѣ «у», и, что послѣ «i» — передъ «а» или «е» — они перешли въ j (или менялись съ нимъ); срв. «түліге» ~ «түлїје» — „топливо, дрова“ и «аңїга» ~ «аҹїја» — „ьюкъ, возъ“; срв. «усу-бар»,

¹⁾ Я въ общемъ согласенъ съ тѣмъ, что высказываетъ Böhlingk, въ мѣткихъ замѣчаніяхъ, въ своемъ труде: „Über die Sprache der Jakuten“ (стр. 42 и слѣд.), противъ взгляда Бобровникова (оп. сіт., стр. 16, § 34 и слѣд.), утверждающаго, что никогда не происходило стяженія гласныхъ, и противъ Шмидта, который допускалъ монголизацію уйгурскаго письма лишь со временемъ Чингис-хана [„Bericht ueber eine Inschrift aus der aeltesten Zeit der Mongolen-Herrschaft“ (Mém. de l'Acad. des Sciences de S.-Pbг., 1833. VI série, T. II, p. 248); срв. также А. М. Позднѣевъ, Лекціи по исторіи монгольской литературы. Т. I. (СНБ. 1896 г.) стр. 37]. Но я, вмѣсто «каған» и «кан», предпохоль бы привести другіе примѣры, такъ какъ въ хУрг. хә < «каған» и хУрг. хаң < «кан» — два совершенно разныхъ слова.

²⁾ Подъ вліяніемъ ударенія и аналогіи въ разныхъ діалектахъ являются формы со стяженіемъ и безъ стяженія. Напр. калмыцк. нурђн — „спина“, хурђн — „палецъ“ ~ хУрг. нурђ, хурђ, а также упомянутыя только что развитія: «дегел» ~ бурятск. дегел ~ калмыцк. дөл ~ хУрг. дѣл; «оберүн» ~ калмыцк. еврђн ~ хУрг. бр҇ (срв. § 20).

Въ названіяхъ растений, животныхъ, настѣкомыхъ и нѣкоторыхъ предметовъ домашней утвари, оканчивающихся на «-ғана», «-гене», стяженіе этого слога «-ға-», или «-ге-» никогда не происходитъ.

«усун-јар» и «усу́гар» — „водою, по водѣ“ > хУрг. усар (тоже); срв. также окончание притяжания: -бан ~ -тан ~ -иан¹⁾.

Помимо перечисленныхъ мною здѣсь, существовавшихъ, но исчезнувшихъ со временемъ, звукъ ѿ (ѿ) и ѿ, въ монгольскомъ языке имѣлся еще одинъ назализованный вариантъ иуть, или, можетъ быть, особый звукъ (ѿ? ѿ?), который въ письменномъ языке далъ «м», а въ другихъ діалектахъ нерѣдко совпадалъ съ первоначальнымъ ѿ (ѿ). Напримеръ: «күмүн» — „человѣкъ“ ~ ѿлѣтск. (около гор. Чугучак) күмүн, торгутск. кѹн, хУрг. хүн; «кемекү (гемекү?)» — „сказать“ ~ хУрг. гехү, торгутск. гекѣ²⁾. Срв. еще «дöмүкү» ~ «дöңгекү» — „дѣлать что либо (быть) съ трудомъ“. Привлекая для сравненія турецкія нарѣчія, можно прослѣдить измѣненіе этого звука въ такихъ словахъ, какъ напр.: «чимүге» — „мозгъ (въ костяхъ)“ ~ турецк. сўнъак, сўյок, сёк и пр. — „кость“³⁾; «темеген» — „верблюдъ“ ~ турецк. дәвә, түйө, түб — ілем.; «еме» — „женщина“ ~ турецк. ёв, ўї — „домъ“ и др.

Здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ сложный вопросъ, такъ какъ указаныя развитія этого звука относятся ко временамъ раньше установленія письменного языка.

22. Въ нѣкоторыхъ аффиксахъ заднеязычные ՚ и ՚, въ качествѣ заканчивающихъ предпослѣдний слогъ, въ письменномъ языке сдѣлялись

¹⁾ Этотъ вопросъ хорошо освѣщается тѣми примѣрами, которые даетъ П. М. Меліоранскій [Арабъ-филологъ о монг. яз. (см. выше), стр. 156 — 159], а также срв. мои Mogholica [Journal de la Soc. Finno-Ougrienne. XIII, 4. Helsingfors. 1905] p. 53].

²⁾ По поводу слова «кемекү» срв. указаніе А. М. Позднѣева (Литограф., неоконченное изданіе [по Xylogr. Библіот. Имп. СПБ. Универ. 1264, т. 1] палеографического текста „Юаш-чао-ми-ши“ стр. 112), что „въ древнемъ языке мъ этого слова несомнѣнно было также неопределенно, какъ и гортанный звукъ современныхъ долгихъ гласныхъ“. Но его мнѣнію это „доказывается грамотою квадратного письма Буянту-хана...“ [Срв. Лекціи по истории Монг. литерат. Т. II. СПБ. 1897. Таблица къ стр. 87, строка 22].

³⁾ На чередованіе ՚ ~ ՚ уже въ 1836 г., обратилъ внимание Dr. W. Schott (Versuch über die Tatarischen Sprachen. Berlin); онъ привѣлъ: османск. szü-m-ük ~ szü-ñ-ük — „кость“, а также (очень неудачно): турецк. aghiz (вм. angghiz) ~ манджурск. angga ~ монгольск. ama — „ротъ“ (s. 25).

сначала глухими, а впослѣдствіи еще и неполными въ отношеніи смыканія. Они въ Халхѣ уже давно исчезли, такъ что теперь въ хУрг. вмѣсто «-гсан», «-гсен» имѣются > -сә, -сә; вмѣсто «-гчі» и «-гчі» > -чі; вмѣсто «-маг'ча», «-мече» > -мсә, -мсә. Напр.: «ирегсен» — „пришедшій“ > въ хУрг. ирсә; «јабуғсан» > въ хУрг. јабсә — „шедшій“; «јабуғчі» > jawäчі — „ходокъ, пѣшеходъ“; «јабумаг'ча-јар» или «јабумаг'ча-бар» > jawäмсәр — „при ходѣ“.

Въ аффиксахъ «-маг'ча», «-мече», какъ видно изъ этихъ примѣровъ, «ч, ц» перешло въ с, т. е. смычная инкурсія исчезла. Нѣчто подобное произошло съ суффиксомъ ablative (исходнаго падежа): «еце» > хУрг. -аса (-ес), -ас (-ес).

Объясненіе этого окончанія даютъ бурятскія формы, какъ напр.: бешекнэ — „изъ книги“ < «*бичиг-се»; срв. также манджурскій суффиксъ ablative (исходнаго падежа): «-чи». Слѣдовательно, первоначальное окончаніе было -че (или -се), которое въ бурятскомъ и въ манджурскомъ языке присоединяется къ корню, въ письменномъ языке и въ хУрг. — къ окончанію стариннаго dativ (дательнаго пад.) -а, -е.

Звуки с, ш, ѡ, л и р.

23. «с» письменнаго языка (‐, конечное ‐) является въ хУрг. въ видѣ альвеолярнаго с, о которомъ нельзя сказать ничего особеннаго. Въ Еаргу-бурятскомъ нарѣчіи изъ этого звука, параллельно съ сильнымъ движениемъ назадъ гласныхъ, развился звукъ ՚, который мнѣ точно не извѣстенъ. Русскіе авторы передавали этотъ звукъ черезъ „кх, гх“, и „х“. Кастренъ¹⁾ писалъ ՚.

О чередованіи с и д смотри выше § 16.

Тамъ, гдѣ въ письменномъ языке за «с» слѣдовало «і», это «с» палатализировалось („смягчились“) и дало въ хУрг. звукъ ш (‐); въ такомъ видѣ звукъ ш сохранился въ языке, хотя звукъ і иногда впослѣдствіи исчезъ. Напримеръ: «сіне» > хУрг. шінѣ — „новый“; «сіғаку» > хУрг. шахѣ — „войвать“. Этотъ звукъ ш употреблялся также для передачи

¹⁾ Op. cit.

сходныхъ звуковъ въ заимствованныхъ словахъ (шаңх^а ejū — „шанхайское масло“). Впрочемъ, по моему мнѣнію, является пока недостаточно изслѣдованнымъ вопросъ: существовалъ ли звукъ ю въ монгольскомъ языке уже раньше перехода си > ю. Примѣры: хүрг. шо'шх^а — „хать тихой рысью“; хашчарх^а — „кричать“ (< письм. «шог'сикү», «каскіраку»).

Въ хүрг. теперь уже вновь встрѣчается звукъ съ передъ и, напр.: сїх^у — „гравировать“ (< «сејілкү»); сїрд^эр (тибетск. བྲྱତ୍) — (мужское имя); iххес — „великие, властители“, genitivus (родительный пад.) iххес^т, срв. бурят.-Тунка: орот — „русский“, genitivus ороши^н¹⁾.¹⁾

24. Въ тѣхъ случаяхъ, когда теперешний звукъ ю халха'скаго нарѣчія выраженъ въ письмѣ соответствіемъ знакомъ (и), этотъ послѣдній читается именно какъ ю. хүрг. звукъ ю я считаю проточнымъ, хотя въ началѣ слова, при произнесеніи его, свойственный всѣмъ проточнымъ шумъ въ полости рта довольно слабъ. Въ положеніи же между двумя гласными, особенно послѣ гласного съ ударениемъ, этотъ шумъ настолько силенъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что ю действительно проточный звукъ. Мы обозначаемъ этотъ звукъ знакомъ ю (не смѣшивать съ і!), а соотвѣтствующій ему глухой (срв. въ § 13) знакомъ ю. Примѣры: «јала» > въ хүрг. јалл^а — „преступление“; «кајага» > хайја — „край, горизонт“; «булуј-а» > бол^оја — „будемте, хотимъ, хочу стать“; «үгей-уу» > ўг^тejū — „не-ли“; «кіја» > х^иа — „гѣмхранитель“.

25. Здѣсь, какъ мнѣ кажется, умѣстно указать на то, что въ письмѣ начальные ю и ци передаются однимъ и тѣмъ же знакомъ (и²⁾). Этую особенность наврядъ ли можно объяснить исключительно свойствами алфавита, какъ это обыкновенно дѣлается; нельзя также понимать это явленіе въ томъ смыслѣ, будто теперешніе з и ю халха'скихъ говоровъ дифференцировались изъ одного звука, потому что, иначе какимъ образомъ, въ совершенно одинаковыхъ случаяхъ, могло бы образоваться въ однихъ случаяхъ з, въ другихъ — ю, какъ напр. письм.: «џаг'ун» или «јаг'ун» > хүрг. з^и — „100“ и ј^и — „что?“. Вѣроятнѣе всего, мнѣ кажется,

предположить, что въ томъ нарѣчіи, на которомъ первоначально основывался письменный языкъ, ц и ю развились, если и не въ одни и тѣ же, то во всякомъ случаѣ въ близко другъ къ другу стоящіе звуки. Поэтому я полагаю, что общемонгольское ц, которое, слѣдовательно, надо отличать отъ ю, обозначаетъ или сильно палатализованный („смягченный“) звукъ ц, или же звукъ ю съ слабымъ переднеязычнымъ (зубнымъ) форшлагомъ; въ такомъ случаѣ смычный форшлагъ исчезъ уже въ томъ нарѣчіи, въ которомъ возникло первое письмо. Такія нарѣчія, въ которыхъ вместо халха'скаго звука з- (и ц-) имѣется ю-, встрѣчаются еще въ настоящее время къ югу отъ пустыни Гоби. Такъ, тумуты округа Хуху-хото, какъ мнѣ сообщилъ миссионеръ Суберъ (Karl Suber), говорятъ напр.: јам (= хүрг. зам — „дорога“). Эти области или эти племена, можетъ быть, и слѣдуетъ считать колыбелью монгольского письменного языка. Впрочемъ, такія звуковыя измѣненія отмѣчены также уже въ другихъ монгольскихъ нарѣчіяхъ. Орловъ¹⁾ указываетъ бурятское „яргалангъ“ = хүрг. ѵарг'ал^а — „наслажденіе“.

26. Знакомъ для ю (и) обозначается также и звукъ і. Это обстоятельство не даетъ намъ возможности должнымъ образомъ установить, гдѣ было ю и гдѣ і; напримѣръ въ теперешніхъ дифтонгахъ есть і, которые всегда обозначаются съ двумя і (съ двумя длинными зубцами и). Обозначаютъ ли эти «іі» долгій і, или же ю і или і? Можетъ быть, такъ писали только для того, чтобы различать такие звуки, какъ напр.: ў (пишется «уй» Я) и юі, юі (пишется «уй» Я)? Хотя такое объясненіе кажется довольно мало вѣроятнымъ, но все же въ видѣ предположенія оно допустимо. Слѣдуетъ ли, напримѣръ, читать: сајін, aka-јін, aka-јі или саін, aka-їи, aka-ї? Окончательное решеніе этого вопроса придется пока оставить, такъ какъ развитіе въ живой рѣчи монголовъ этого діалекта, на почвѣ котораго возникъ письменный языкъ, намъ неизвѣстно. Халха'ское нарѣчіе, повидимому, предполагаетъ въ однихъ случаяхъ чтеніе аі, въ другихъ аї; а самъ пока придерживаясь этого послѣдняго чтенія. (См. ниже § 58).

27. Письменное «је-» въ началѣ словъ, въ настоящее время = хүрг. ј-, напр.: «јеке» > хүрг. iхх^е — „большой“. Въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ явленіе прямо противоположное такъ называемому за-

¹⁾ Кастренъ, оп. сіт. с. 20.

²⁾ Срединное начертаніе для ц — и ; для ю — и .

¹⁾ Оп. сіт., стр. 4.

кону „перелома гласных“ (vokalbrechung), почему, напримѣръ, отъ «ірекү» — „приходить“ мы имѣемъ ірхү, а не *јерхү. Въ хУрг. наряду съ ірѣ встрѣчается и јүрү — „вообще“ < «јерюн». Впрочемъ, о начальномъ і — смотри § 46. «іj» письменного языка (какъ основное, такъ и возникшее изъ «-іi», «-іg») — въ серединѣ словъ сократилось въ ѡ или і, а слѣдующий за нимъ гласный — удлинился. Къ этому, весьма распространенному и, повидимому, давнему переходу количества, слѣдуетъ еще добавить, что въ хУрг. говорѣ і впослѣдствіи исчезло (кромѣ только тѣхъ случаевъ, когда оно стояло послѣ л, р и н), причомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, сохранилась, вызванная имъ палатализацией предыдущаго согласного; слѣдовательно: «сіја» > ша, «чіја» > чә, «ција» > цә. Примѣры: «угіјаку» > уг'ахү > хУрг. уг'аха — „мыть“; «кацігү» > хУрг. хацү — „бокъ“; «корсіга, корсіја» > хУрг. хоршо — „соединение“; «арігун» > хУрг. ар'ю — „чистый“; «аніјаку, анігаку» > хУрг. ан'ахү — „смыкать глаза“.

Въ словахъ съ небными гласными въ хУрг. говорѣ рⁱ чередуется съ р; іⁱ ~ і и нⁱ ~ н. Такъ напримѣръ, говорится: хур'є¹⁾, наряду съ хурѣ — „ограда, монастырь“; түл'є — наряду съ түлә и т. д. Въ словахъ съ гортанными (задними) гласными большие опредѣленности: напр. хУрг. хурѣх — „собирать“ развились изъ «куруг'аку», а не изъ «куріјаку»; хУрг. долохү — „лизать“ < «долуг'аку», не «доліг'аку, доліјаку». хУрг. рⁱ, іⁱ и нⁱ надо отличать отъ смягченныхъ р, ѡ и н, которые встрѣчаются напр. въ бурятскихъ нарѣчияхъ.

28. Звукъ л (начертаніе: — ⠇ ; конечное: — ⠇) хУрг. говора — образуется при сильномъ суженіи, но мѣсто артикуляціи (языкъ прижимается къ альвеоламъ) и самое положеніе языка при произнесеніи звука л довольно сильно меняется въ зависимости отъ слѣдующего за нимъ гласного. Передъ гортанными (задними) гласными (а, о, у) онъ бываетъ болѣе заднимъ или, какъ говорится, болѣе „темнымъ“, но все же не то же самымъ съ русскимъ лъ; передъ гласными ѿ, ѕ, ѣ — среднимъ, а передъ і, также какъ передъ ѡ, ч, ц болѣе переднимъ или „узкимъ“. Хотя эти комбинаторныя колебанія одного и того-же звука замѣчаются также при другихъ согласныхъ,

¹⁾ Ср. написаніе у русскихъ авторовъ, напримѣръ хурѣ и т. п.

я, слѣдяя принятой туркологами транскрипціи, обозначаю здѣсь всеѣ заднѣ оттенки этого звука знакомъ л, а всѣ передніе — 1¹).

Послѣ краткаго, ударяемаго гласнаго, мы въ хУрг. л (l) легко улавливаемъ проточный шумъ, образуемый тренiemъ воздуха проходящаго по обѣимъ сторонамъ рта, причомъ слышится лhl или hlh. Если этотъ звукъ находится въ началѣ слова, то шумъ слабѣе, такъ какъ и самый токъ воздуха въ началѣ слабѣе. Какъ мы ниже увидимъ при разборѣ гласныхъ, выыхашіе начинается постепенно и голосовые связки начинаютъ звучать только послѣ того, какъ выыхашіе (экспирація) достигнетъ достаточной силы (gradual glottid). Такимъ образомъ, при тиательномъ изслѣдованіи, начальный л представляется намъ какъ *л, т. е. звонкому проточному (спиранту) предшествуетъ глухая инкурсія (начало).

Передъ сильными смычными рекурсія (конецъ) л — глухая (для простоты обозначаю это въ видѣ л') напр.: алт'я — „золото“ < «алтан»; ел'чи — „посоль“ < «елчи». Подобнымъ-же образомъ и на концѣ слова голосъ обрывается несолько раньше, а выыхашіе еще продолжается и надставная труба отчасти сохраняетъ свое прежнее положеніе. Слѣдовало бы, пожалуй, писать: ғал² — „огонь“ (какъ и ғар² — „рука“), но, такъ какъ, по общему правилу, такая глухая рекурсія наблюдается при вслѣдѣ звонкихъ звукахъ (срв. § 47), то я оставилъ ее безъ обозначенія.

Произношеніе глухого л самого по себѣ не представляетъ для монголовъ халха'цевъ вообще никакихъ затруднений. Этотъ звукъ встрѣчается въ иѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ, чередуясь съ л или ш, напр.: ласса (тибетск. བླସྲ) — „городъ Лхаса“; լացվա (тибетск. བླୟୋସྲ) — „срѣда“. Онъ также очень часто является въ суффиксѣ — т'л, -т' (к -дѣл, -дѣл) < «-дала, -деле», который обыкновенно читается -тала, -tele, и въ частицѣ — ալ, -ել, которая послѣ глухихъ имѣеть видъ -լ, -լ < «еле, ел-е»; напр.: jawat³л — „пока (онъ) идетъ“; jawat³դ — „зной себѣ идетъ“. Глухость л здѣсь обусловливается характеромъ предшествующаго звука²).

¹⁾ Ср. также А. Д. Рудневъ, „Защита докторской диссертации...“ (см. выше) стр. 118—119 (дополн. отд. отт. стр. 21—22).

²⁾ Sievers ⁵§ 443; ⁴§ 417.

29. Звукъ р (начертаніе: — *р*; конечное: — *р*) въ хУрг. говорѣ, какъ и въ другихъ известныхъ миѳ монгольскихъ говорахъ и нарѣчіяхъ, является альвеолярнымъ и произносишись съ сильной вибраціей. Въ началѣ словъ р въ монгольскомъ языке совершенно не встрѣчается. Монголь не въ состояніи произнести звукъ р въ началѣ слова, хотя въ другихъ положеніяхъ этотъ звукъ не представляеть для него затрудненій. Начальный р, по аналогіи съ л, слѣдовало бы обозначать въ видѣ *р*, но, такъ какъ сильная вибрація языка предполагаетъ необычное, большое напряженіе мускуловъ языка и большую силу выдыханія уже при началѣ слова, то въ заимствованныхъ словахъ, начинающихся съ звука р, въ монгольскомъ языке передъ нимъ появляется гласный, тожественный съ гласнымъ, слѣдующимъ за этимъ р (когда за начальнымъ р слѣдуетъ і или у, то передъ нимъ возникаетъ соответствіи гласный средняго суженія, т. е. е или о). Получается: гласный + р + гласный; напр.: арабдѣ (тибетск. རླ୍ବଦ୍ଧେ — „весьма прочный“), ерінжѣ (тибетск. རླ୍ବନ୍ଧେ — „родовитый“) — „Рабдан“, „Ринчиг“ (мужскія имена); орбс., бурятек. орос — „русскій“, алтайское орус < *рус. Послѣднія дрожанія звука р на концѣ слова глухи въ комбинаторныхъ условіяхъ, аналогичныхъ съ тѣми, где вмѣсто л слѣдовало бы точітѣ писать л². (См. еще § 47).

30. л и р, если они въ словѣ близко стоять одинъ отъ другого, то спорадически мѣняютъ свои мѣста; изъ двухъ р — одинъ обыкновенно диссимилируется въ л; напр. письм. «Гулір» — хУрг. Гурл — „мука“; письм. «арчігур» — хУрг. агчур — „платокъ, кошель“ и арчул¹) — „трапка; все, чѣмъ что нибудь чистятъ или вытираютъ“. Такоже и въ падежномъ окончаніи -рү ~ -лү, -рү ~ лү, напр.: Голрү — „въ направлении къ рѣкѣ“, по морлү — „противъ, къ лошади“, худорү — „въ направлении къ стени, по стени“, но тенгэрлү — „къ небу“. Это стремленіе къ диссимиляції, впрочемъ, аннулируется требованіемъ систематичности при склоненіи; поэтому говорять также морлү (вм. морлү), төрлү — „туда“, и всегда: харлар — „смотри“, хурлар — „достигай“ и др. Въ письменномъ языке звукъ «л», послѣ носовыхъ, во многихъ случаяхъ измѣнился въ «н»; напримѣръ: «емлекү» — «емнекү» — „лечить“.

¹⁾ Отмѣтимъ, что у бураты-Аларскихъ имѣется: аршур — „трапка“.

Носовые (н, ң, м).

31. Въ письмѣ, изъ носовыхъ только «ң», «н» и «м» обозначаются особыми знаками (*ң*; *н*; *м*; — конечная начертанія: *ڭ*; *ن*; *م*); знакъ для звука ң, который образовался изъ сочетанія знаковъ «п» (*پ*) и «г» (*گ*), встрѣчается только на концѣ словъ; передъ «к» и «г» онъ былъ велярнымъ (велярно-заднеязычнымъ); передъ «к, г, с, (ш), л, р, н, м», вѣроятно, былъ заднеязычнымъ; н — альвеолярный, а м — губогубной носовой смычный звукъ. Въ серединѣ слова, передъ слѣдующимъ смычнымъ, носовые письменного языка, въ хУрг. подверглись уподобленію по мѣсту артикуляціи, напр.: «ака-јіп-кі» > ах¹ңхі — „братьинъ“; «күрендекү» > хүрүпдәхү — „едѣться, или быть темно-коричневымъ“; «үмдүге» > ўндуғ — „яйло“; «јаңда» (китайск. 樣子) > јапз — „родъ, образъ, стиль, манера“.

32. Конечные «ң» и «н» въ халхаскихъ говорахъ слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же звуковымъ законамъ. Разсматривать поэтому мы ихъ будемъ вмѣстѣ.

А. Послѣ краткаго ударяемаго (accent stark) гласнаго, въ хУрг. говорѣ, въ настоящее время, какъ «н», такъ и «ң» являются въ видѣ ң (долгій или поддолгій ң, см. § 64); напримѣръ: «кан» > хУрг. хаң — „ханъ“; «Ган» или «Ган» (китайск. 鋼) > җан — „сталь“; «тоң» (китайск. 通 — „все“) > тօң — „непремѣнно“; «аңқалан» > аңхалә или аңхаләң — „въ началѣ“; «цобалан» > зошлә или зошләң — „мѣка, мученіе“; «терігүн» — „голова“ = въ книжномъ жаргонѣ төрігүң — „глава, начальникъ, первый“ (наряду съ этимъ существуетъ также, развившееся правильно по звуковымъ законамъ) түр¹ — „раньше“, впереди“, түрү — „голова, начало“).

Б. Послѣ краткаго неударяемаго, или послѣ долгаго гласнаго, гдѣ «ң» и «ң» были слабѣ, они, въ отношеніи замыкания, редуцированы. Теперь въ хУрг. имѣются въ такихъ случаяхъ звуки, при произношеніи котораго языкъ — вслѣдствіе перехода мускулатуры въ непосредственно слѣдующее за этимъ звукомъ положеніе покоя — не образуетъ въ полости рта полнаго препятствія текущему изъ легкихъ воздуху, а дѣлаетъ только незначительное движеніе въ этомъ направленіи: воздухъ проходить и черезъ полость носа и черезъ полость рта, но, довольно слабо и какъ бы утихая. Этотъ „утихающій“ слабый носовой и обозначаю черезъ *(q, ң, ڭ)*,

ѹ, ӱ...). При более энергичном произношении этот звук слышится какъ болѣе или менѣе заднеязычный (ң), такъ какъ задняя часть языка поднимается по направлению къ твердому нѣбу; при особенно сильномъ удареніи, вместо этого звука получается звукъ, образуемый при полномъ смыканіи; его мы обозначаемъ черезъ ң (см. выше аңхалۇ и аңхалان, ဇօවۆلۆ и ဇօවۆلۆ). При небрежномъ произношении голосъ обрывается уже раньше и тогда слышанъ только неясно произносимый (*gemurmelt*) гласный, съ носовымъ оттенкомъ. Иногда этотъ неясный звукъ совсѣмъ пропадаетъ (объ этомъ см. ниже § 33). Этотъ халхаскій звукъ, который такимъ образомъ можетъ быть и сонантомъ и консонантомъ, лучше всего рассматривать какъ редуцированный гласный, образуемый при открытыхъ полостяхъ носа и рта (*nasooral*); этотъ звукъ присоединяется къ редуцированному гласному въ видѣ оттѣнка, различнаго, смотря по характеру данного слога. Поэтому я пишу: ҝ, ӱ, ҝ, ӱ, но при этомъ слѣдуетъ помнить, что назализація, которую я тутъ обозначилъ черезъ ւ, проходитъ весь рядъ отъ 0 до ң.

Примѣры: «катун» > хатӑ — „благородная лада“; «турген» > түргү — „скорый“; «калагун» > халۇ — „горячий“; «бүдегүн» — „толстый, компактный“ > бүдү; «геген» (или «гегеген») > ҝегे — „свѣтъ, святой“; genitivus «ном-ун» > номт — „книги“ [наряду съ книжн. номб и номон].

Этотъ новомонгольскій носовой звукъ рѣдко встрѣчается въ хУрг. въ серединѣ слова. Я наполь только одно, заимствованное [изъ китайскаго 鍋子 «гүо-зы» (?)] слово: ҭаса — „трубка для табака“. Примѣры вродѣ ушхү (лучше уңшхү) — „читать“, хөшом (хоншом; китайск. 見世音) — „Avalokiteçvara“ (имя бодисатты), түшү (түңшү; китайск. 通士) — „другъ, переводчикъ“ и др., слышанные мною, я не могу съ увѣренностью считать за хУрг. Чаще всего встрѣчаются формы: уңшхү, хоншом, хоншү, түңшү.

Въ нарѣчіяхъ южныхъ монголовъ этотъ звукъ встрѣчается гораздо чаще и замѣняетъ даже и передъ д, напр. въ словѣ: զд or զð = хУрг. онð — „другой“. Объ измѣненіяхъ этого звука, образуемаго при открытыхъ полостяхъ рта и носа, передъ слѣдующимъ за нимъ въ томъ же сочетаніи словомъ, см. ниже (§§ 36, 50).

33. Выше было уже указано, что звукъ, образуемый при открытыхъ полостяхъ рта и носа, на самомъ концѣ слова дѣлается глухимъ,

т. е. совершенно исчезаетъ. Такъ, встрѣчаются паряду съ халۇ, также халۇ — „горячий“; модð — мод — „дерево“; уссү — ус — „вода“. Поэтому многія имена (пошипа), которые первоначально кончались на н, совершенно утратили этотъ звукъ и слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ, какъ и тѣ, которыхъ кончаются на гласный (халۇ — халۇ), или же, которыхъ короче иль на одинъ слогъ (уссү — ус). Это явленіе имѣло слѣдствіемъ скрещеніе формъ и новообразованія, которыхъ дѣлаютъ теперешній флексії именъ въ хУрг. говорѣ столь пестрыми и непослѣдовательными съ точки зрѣнія истории языка. По аналогии съ «ном: ном-ун: ном-іар» > хУрг. ном: номт: номбр образованы напр.: мод: модл: модбр, и наоборотъ, по аналогии съ «модун: модун-у: модун-да: модун-уд» > хУрг. мод: модні: моддонт: моднүт встрѣчаются также: ном: номні: номнүт: номнүт¹⁾). Такое образованіе по аналогии распространилось даже въ nominativus (именительный пад.), напр. шіл (тибетск. བྱଲ) — „стекло“ ~ шил²⁾ (по аналогии съ мод ~ модð).

34. Ослабленіе конечнаго и относится отчасти къ давнему времени.

Въ письмѣ замѣчается полная неопределеннѣсть и непослѣдовательность и, съ современными нашими познаніями въ области монгольскаго языка, во многихъ случаяхъ прямо таки невозможно отдѣлить слова, кончавшихся первоначально на н, отъ кончавшихся на гласный звукъ. Уже вѣдь Гирашъ писалъ thiru наряду съ thiuron, dchih наряду съ tchikin, nitu наряду съ nitun и nara наряду съ naran³⁾.

¹⁾ Окончаніе множественного числа -нүт, -нүт < письм. «-нүгүд, -нүгүд» не могло произойти изъ «нокүд» > хУрг. нүххүт (— „товарищи“), какъ это предполагали до сихъ порь. Оно, конечно, образовалось такимъ же путемъ, какъ общеупотребительное теперь окончаніе genitivi (родительного пад.) на -нї, въ словахъ гернї, цаёнї и т. д.

²⁾ Op. cit. p. 88. Срв. также W. Radloff, „Phonetik der nördlichen Turksprachen“ (Leipzig. 1882—3), § 296. Взглядъ, высказанный имъ на стр. 192, врядъ ли правиленъ; я думаю, что мнѣніе Böhlingk'a [Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischen Grammatik... s. 13, 14 (Bulletin histor.-philol. Acad. Imp. des Sciences S.-Pb. T. V. 1848, pp. 297—298)] ближе къ истинѣ.

Срв. по этому вопросу мнѣніе W. Bang: „Zum auslautenden N im altaischen“ (Toung. rao. Leide. Vol. VI, № 2, pp. 216 — 221). Въ этой статьѣ цитируются и другие авторы, занимавшіеся этимъ вопросомъ.

35. Благодаря тому, что копечное ц не отличается отъ и (§ 32), нѣкоторыя именные основы, кончавшіяся на ц, смѣшились съ основами на и такимъ образомъ сдѣлали возможнымъ также обратный переходъ основъ на и въ группу основъ на ц. Этимъ путемъ возникли параллельныя формы флексий, и теперешній монгольскій языкъ еще не успѣлъ снова разгрушировать или слить эти двѣ группы; напр.: «курецъ» хург. хүрү — „фиолетово-коричневый“, genitivus (родительн. пад.) хүрүнгї и хүрүн; «катунь» > хург. ха́тã — „благородная дама“, genitivus ха́тãн и ха́тãнгї; «мајкан» > хург. маёхã — „походная палатка“, genitivus маёхãнгї, рѣже маёхавї; «арсалан» > хург. арсала — „левъ“, genitivus арсала:нгї (арсала:нгї) (можеть быть по аналогии со многими именами, произведенными при посредствѣ суффикса «-лаң»). Даже нѣкоторыя слова, кончающіяся на м, иногда подвержены такому же колебанію; напримѣръ: таргã и таргам — „тучный, жирный“, наадã и наадам — „праздничная игра“. Мнѣ неясно, насколько здѣсь можно говорить о произвольной замѣнѣ, такъ какъ нерѣдко приходится предполагать возможность аналогіи, или существованія первоначально различныхъ формъ.

36. Относительно м слѣдуетъ замѣтить, что изъ двухъ м, стоявшихъ въ словѣ близко другъ отъ друга, первое диссимилировалось въ и; напр.: «маімã» (китайск. 買賣) > хург. наэмã — „торговля“; «мелмеі» > пелмі — „око, глазъ, взоръ“ (въ болѣе высокомъ стилѣ); «мігмар» (изъ тибетск. མི་དམར — „Марсъ“) > н'а́мэр (простонародное) наряду съ мі́мэр (литературное) — „вторникъ“. Это явленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще древнѣе, чѣмъ самый письменный языкъ; напр.: «чину» — „твой“; «міну» — „мой“; «чімајі» — „тебя“; «намајі» — „меня“ (< *мамајі или *мімајі¹⁾); о чередованіи а ~ і въ первомъ слогѣ смотри § 55).

Въ монгольскомъ языке произошли также „перебои“: б — н > «м — н», б — ц > «м — ц» и цм > «мб». Въ письмѣ встрѣчаются «үмдүге», «үндүге» и «үндүгэ» (= ўндүг — „айпо“); «үмдесүн» и «үндесүн» (= ўндүс — „корень“); «умдаган» и «ундаган» (= ўндã — „пить“) и др. Въ нѣкоторыхъ словахъ трудно установить первоначаль-

¹⁾ Срв. мою статью „Ueber mongolische pronomina“ (Journ. de la Soc. Finn.-Ougr. XXII, 3. Helsingfors. 1905), p. 7.

ный письмовой звукъ. Все же ясно, что мы тутъ имѣемъ дѣло не съ передвиженіемъ мѣста артикуляціи въ письменномъ языке, а только съ неопределенностью въ орфографіи: это видно изъ того, что новый звукъ, образуемый при открытой полости рта и носа (nasooral), встрѣчающейся особенно часто въ говорахъ южныхъ монголовъ, среди которыхъ сравнительно сильно развита литература, передается тѣ черезъ и, тѣ черезъ м или черезъ ц.

Гласные.

37. Согласно перенятой отъ монголовъ теоріи, въ безусловной правильности которой я нѣсколько сомнѣваюсь, пятью знаками гласныхъ письменного языка¹⁾ обозначаются слѣдующіе семь гласныхъ звуковъ: 1) «а», 2) «е», 3) «і», 4) «о» и «ү», 5) «ö» и «ў». (Въ письмѣ «о» не отличается отъ «ү», и «ö» — отъ «ў»). Соответственно закону гармоніи гласныхъ („сингармонизма“) небные (передніе, переднеязычные) гласные «е, ö, ü» не могутъ находиться въ одномъ словѣ съ гортанными (задними, заднеязычными) «а, о, у». Эти гласные, принятые въ письменности, отражаются въ хург. говорѣ слѣдующимъ образомъ:

38. Гортанные (задніе) гласные звуки «а, о, у» первого, сильно ударяемаго слога обыкновенно дали въ хург. а, о, у.

Посредствомъ а я обозначаю открытый „чистый“ а [финскій или итальянскій звукъ а въ словахъ: финск. „pala“ (— „кусокъ“); итальянск. „padre“ (— „отецъ“)],

посредствомъ о — открытый о, наконецъ

посредствомъ у — сильно оттянутый назадъ, довольно „темный“ („dimpf“) звукъ у, образуемый при сильно опущенной гортани и производящій акустически впечатлѣніе звука средняго между о и у²⁾. Для отличія этого звука отъ родственнаго ему, но не столь заднаго — этотъ первый можно обозначать посредствомъ ў. Примѣры: «мал» > мал — „скотъ“; «коғ» > хоғ — „сорть“; «туғ» > түғ (түг) — „зима“.

Соответствующая долгота звуковъ а, ö, ü въ новомонгольскихъ

¹⁾ А ; е (и, ы); і (и, ы); о (о, ө); ö (ө, ө, ү).

²⁾ Срв. обычнага написанія: „Нуку-нор“ (= нүр), „Богдо-ола“ (= ўла) и т. п.

диалектахъ образовалась посредствомъ стяжения двухъ слоговъ (смотри выше § 19). Напримеръ: «тагар» > т'ар — „толстое сукно“; «богол» > бёл — „рабъ“; «сібаг'ун» > шуву — „птица“. Эти правильные замѣстители гортанныхъ (заднихъ) гласныхъ образуютъ такъ называемый задний рядъ ихъ.

Но наряду съ этимъ, подъ вліяніемъ слѣдующаго за ними «і», возникъ передній рядъ, болѣе или менѣе цалатализованный (среднеязычный, пригубленный) въ различныхъ нарѣчіяхъ. Соответствующіе звуки въ хУрг. говорѣ я обозначаю посредствомъ а, ё, у.

а — звукъ тожественный съ тѣмъ, какой имѣется во французскомъ языке въ словахъ „madame“ (— „сударыня“), „patte“ (— „лапа“).

ё — тожественный съ французскимъ „о“ — въ словѣ „homme“ (— „человѣкъ“).

у имѣть свое обыкновенное значеніе (какъ въ русскомъ словѣ „ну! ну-ка!“). Напримеръ: «алі» > хУрг. алї — „который?“, хотогйтск. алї, чахарск. алї¹, калмыцк. алї; «морін» > хУрг. морї — „лошадь“, хотогйтск. морї, чахарск. мёр¹, калмыцк. морң, бурятск. морың; «г'улір» > хУрг. г'урї, чахарск. күлр.¹

Если схематически сопоставить гортанные (задние) гласные этихъ обоихъ рядовъ хУрг. говора съ нормальными европейскими гласными, то получится приблизительно слѣдующая таблица:

39. Тамъ, где «о, а, у» сохранились до сихъ поръ сонантами во второмъ или послѣдующихъ слогахъ, они по большей части утратили свою специфическую артикуляцію и замѣнены теперь въ хУрг. говорѣ заднимъ гласнымъ звукомъ съ недостаточнымъ голосомъ (*murmelvokal*¹).

¹⁾ Sievers §§ 279, 280; ²⁾ §§ 263, 264.

Этотъ звукъ является по своей природѣ вполнѣ комбинаторнымъ и въ различныхъ положеніяхъ производить различное впечатлѣніе. Множество маленькихъ оттѣнковъ его не легко съ точностью различать и еще труднѣе ихъ точно определить. Вообще же онъ звучитъ какъ открытое о [ɔ, ə, какъ въ англійскомъ словѣ saw — „видѣль“]. Но практическимъ соображеніямъ я обозначаю его: послѣ а или а — черезъ а, послѣ о или ё — черезъ ё и послѣ у или ў — черезъ ў. Напримеръ: «када» > хУрг. хадда — „скала“; «булагъ» или «булутъ» > хУрг. буллукъ — „родникъ, источникъ“; «огосар, огосур» > обср — „лента, подвязка“; «усулаку» > усеўлуху — „поять (скотъ)“ также услуху, услху.

Въ письменности имѣется много указаний на то, что такая „неясность“, повидимому, уже давно появилась въ монгольскомъ языке; этимъ можно объяснить написанія: «омагъ, отагъ, булагъ» и т. п. наряду съ «омугъ, отугъ, булугъ». Теперь, во многихъ словахъ совершенно невозможно восстановить, на основаніи одного только письма первоначальные гласные неударяемыхъ слоговъ. Также только этой „неясностью“ возможно объяснить стремленіе къ лабіализаціи гласныхъ, слѣдующихъ послѣ о, находящагося въ первомъ слогѣ (въ калмыцкомъ, бурятскомъ и другихъ нарѣчіяхъ).

40. Губные небные (передніе) гласные «ү» и «ö» въ письмѣ обозначаются одинаково, а именно: въ первомъ слогѣ слова — черезъ соединеніе начертанія «у» съ «і» (Я), въ послѣдующихъ слогахъ — также какъ «о, у» (о, ф). Монголы читаютъ этотъ знакъ согласно ихъ собственному произношенію соответственныхъ словъ, однако нарѣчія въ этомъ сильно расходятся. Существуютъ нарѣчія, которая въ этомъ отношеніи даже прямо противоположны другъ другу¹). Мне кажется, что я имѣю достаточно основаній предположить, что здѣсь раньше имѣлись не два, а три звука: ў, ё, ѕ, или же только одинъ звукъ, который подвергся сильной диссимиляціи или ассимиляціи съ близкими ему гласными. Изъ него или изъ нихъ въ хУрг. говорѣ развились слѣдующіе звуки:

1) ў, тотъ самый звукъ, который существуетъ въ норвежскомъ языке [въ словѣ „hus“ — „ломъ“ (high-mixed-narrow-round²)]. Онъ встрѣчается въ качествѣ краткаго (только въ первомъ слогѣ), а также

¹⁾ Срв. Орловъ, оп. сіт., § 4.

²⁾ Англійская терминология приведена мною согласно N. Sweet, A Primer of Phonetics. (2 edit. Oxford. 1902), §§ 33, 34 и др.

и долгаго. Долгій ў развиле чаще всего изъ «егў» или «ігў» (срв. § 19). Краткій ў восходитъ то къ «у», то къ «е». Напримѣръ: «цўг» > хУрг. зўг — „сторона“; «ебўсўн» > ѿвўс — „сѣно, трава“; «негўрсўн» > нўрс — „уголы“; «терігўн» > т'урї — „раныше, впередъ“.

2) Близко къ этому ў стоять въ акустическомъ отношеніи звукъ, при произношениі которого языкъ, какъ и при ў, оттанутъ назадъ, но немного опущенъ и губы скруглены съ среднимъ открытиемъ рта, какъ при умѣренно открытомъ ѿ. Я слышала подобный звукъ въ южношведскомъ произношениі словъ — „hund“ (— „собака“), „lund“ (— „роща“) (пѣчто среднее между high-mixed-wide-round и mid-mixed-narrow-round). Этотъ звукъ, который встрѣчается только въ краткомъ ударяемомъ и закрытомъ слогѣ, раньше писался то „у“, то „ю“; его слѣдовало бы точнѣе обозначить посредствомъ ѿ, но я передаю его здѣсь для простоты черезъ ў. Напримѣръ: «дўрбен» > дўрвў — „четыре“; «ебўген» > ѿвўгў — „старикъ“; «ўндеїку» > ѿндїхў — „принодиниматься“.

3) ѿ — очень открытый ѿ. Онъ близокъ къ шведскому ѿ передъ г; напримѣръ: „f r“ (— „для“) но онъ еще шире и, можетъ быть, болѣе отодвинутъ назадъ (средний между low-front-wide-round и low-mixed-wide-round). Онъ соответствуетъ нескругленному ѿ (или же є; смотри дальше) и встрѣчается въ хУрг. говорѣ только въ видѣ долгаго. Чаще всего онъ образовался изъ: «ѓге» («ѹге»?), «ѓбе» («ѹбе»?; см. § 19) и послѣ губного — изъ є; напримѣръ: «тѓге» > т  — „ядъ“; «ѓргеге» («ѹргеге»?) > ѿрг  — „дворецъ“; «јісўн-е» > ѿсс ! — „девять“ (при медленномъ счетѣ).

4) ѿ — есть закрытый передній звукъ ѿ, который встрѣчается напримѣръ во французскомъ словѣ „реи“ (— „мало“), немецкомъ „sch n“ (— „красивый“), шведскомъ „d r“ (— „умереть“), но только скругленіе его не такъ сильно. Это ѿ встрѣчается въ хУрг. очень рѣдко, именно, только въ краткомъ ударяемомъ слогѣ, когда онъ кончается на гласный и когда въ слѣдующемъ слогѣ имѣется ѿ (ѿ: ѿ = є — см. дальше § 43). Напримѣръ: «ѓрѹгесўн» («ѓрѹгесўн») > ѿрѹс — „олень“; «ќбл-їер» > хѡл р, отъ nominativus (именительного падежа) хуль новообразованное хуll р — „ногой“.

5) ѿ — закрытый звукъ ѿ, тожественный съ тѣмъ, который встрѣчается во французскомъ „lune“ (— „луна“), немецкомъ „b hne“ (— „сцена“) и въ шведскомъ „sy“ (— „шить“). Такоже и этотъ звукъ

встрѣчается въ хУрг. только въ видѣ краткаго. Онъ развиле или изъ «і», къ которому присоединилось скругленіе губъ, нужное для слѣдующаго ѿ, или изъ «у», подъ влияниемъ слѣдующаго і или ѿ. Напримѣръ: «јісўн» > ѿсс  — „девять“; «кірїгє» > хѹр  — „пила“; «џїjl» > зїjl — „родь (свойство), рядъ, параграфъ“.

Такимъ образомъ знаку Й (начальное начертаніе: й) соответствуютъ слѣдующіе хУрг. звуки:

	средніе	передніе
	(mixed)	(front)
узкіе (high)	ѹ Ӯ Ӱ Ӳ	ѹ Ӳ
полуоткрытые (mid)	ѹ=Ӯ Ӷ Ӱ	ѹ=Ӳ
открытые (low)	Ӯ Ӱ Ӳ	Ӯ Ӱ Ӳ

41. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ѿ (ѿ) еще сохранилось во второмъ и слѣдующемъ слогѣ въ качествѣ слогообразующаго, оно теперь является въ видѣ звука, похожаго на краткій или подкраткій ѿ, произносимый при пассивномъ или почти пассивномъ положеніи надставной трубы. Этотъ звукъ, къ которому ближе всего подходитъ „e“ во французскомъ словѣ „que“ (— „что“), имѣетъ „темный“ оттенокъ, такъ какъ гласные въ хУрг., по сравненію съ „нормальными“ европейскими, иѣсколько болѣе отодвинуты назадъ, но все же они не настолько задніе, какъ у Баргу-бурятъ, у которыхъ настоящіе передніе гласные совершенно уже не встрѣчаются. Этотъ гласный, который встрѣчается въ словахъ, характеризуемыхъ въ первомъ слогѣ гласными ѿ, ѿ, ѿ и ѿ, я обозначаю черезъ ѿ. Этотъ звукъ ѿ — неясный ѿ; ѿ — имѣть иѣсколько оттенковъ, въ зависимости отъ предыдущаго ударяемаго гласнаго. Такъ, послѣ ѿ онъ болѣе открыть, послѣ ѿ — это узкій звукъ, но во всѣхъ случаяхъ скругленіе губъ придастъ ему характеръ неяснаго ѿ. Напримѣръ: «едѹ» > ѿдѹр (ѹдѹр) — „день“; «мѹңгүн» > мѹңг  — „серебро“; «кѹтелк » > хѹт х  также хѹт х  (хѹт х ) и, по аналогии со словами, оканчивающимися на «-ле-к » — хѹт х  — „вести въ поводу“.

42. Гласный «е» письменнаго языка въ хУрг. говорѣ, въ видѣ общаго правила, выражается посредствомъ звука е „заднаго ряда переднихъ гласныхъ“. Онъ образуется съ явственно отодвинутымъ назадъ языкомъ и поэтому его слѣдовало бы обозначать посредствомъ є или еще лучше є. Изъ практическихъ соображеній я, однако, обозначилъ его черезъ простое е. Въ Баргу-бурятскомъ говорѣ первоначальный е еще болѣе ото-

двинуть назадъ (т. е. онъ = ε), почему русские исследователи обозначаютъ его посредствомъ о или ы (напр.: мыргынъ, моргонъ=мерген). Заднее е хУрг. говоря является какъ въ видѣ краткаго (въ ударяемомъ слогѣ), такъ и въ видѣ долгаго. Конечно є часто бываетъ „шире“, чѣмъ срединное. Кроме того, хУрг. говоръ знаетъ еще передний звукъ е, который, въ ударяемомъ краткомъ и открытомъ слогѣ, имѣется передъ слѣдующимъ е или і. Эта звукъ можно было бы передавать посредствомъ знака є, но я также и въ этомъ случаѣ пишу простое е. Напримеръ: «мерген» > хУрг. мергє — „искусный, мѣткий; мудрый“; «гер» > ھер — „юрта“; «медекү» > медхў, (мѣдхѣ) — „знать“; «гег(ге)ген» > ھег(ھ) — „свѣтъ, святой“; «белен» > бѣлѣ (бѣллѣ) — „готовый“; «белге» < бѣлгѣ (бѣллѣ) — „признакъ, примѣта“.

43. Гласный «і» письменнаго языка часто подъ разными вліяніями и вслѣдствіе стяженія слоговъ (§§ 19, 27) измѣнился въ другіе гласные. Въ первомъ слогѣ онъ сохраняется только тамъ, где за нимъ слѣдуетъ і или е. Въ этомъ случаѣ хУрг. говоръ еще сохранилъ звукъ і (который также какъ и є относится къ переднему ряду); я обозначаю его посредствомъ і. Онъ соотвѣтствуетъ, какъ мнѣ кажется, звуку і въ нѣмецкомъ словѣ „іhm“ (— „его“) и, такимъ образомъ, является „high-front-narrow“. Напримеръ: «біліг» > хУрг. ھیلیغ — „разумъ, знаніе“; «бічіг» > хУрг. بیچیغ — „письмо“; «ілегекү» > ھیلەخۇ — „посылать“.

Отъ этого і слѣдуетъ отличать долгій звукъ і, который въ новій-шемъ языке образовался различными путями [«іїгі» > і; «еїі» > і; «үїі» > үі; «үїі» < یї (срв. § 19) и письм. «у» > хУрг. і]. Эта звукъ произносится съ отодвинутымъ назадъ языкомъ и при широкомъ раскрытии отверстія рта, т. е. онъ шире (открытѣе), чѣмъ і. Я обозначаю его посредствомъ і (т. е. долгій і). Профессоръ А. М. Позднѣевъ¹⁾ передаетъ этотъ звукъ посредствомъ ы; во соотвѣтствующій монгольской звукъ никакимъ образомъ не тождественъ съ русскимъ звукомъ ы. Ближе всего къ русскому ы стоятъ дифтонги یї и یї. Примеры: «чігіг» > چیگ — „сырой, влажный“; «теімё» > تىمە — „такой“; «аба-жін» > awجىن — „отца“; «модун-у» > мөдүн (хЗап.: моднї) — „лѣрева“.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ хУрг. говорѣ слѣдующія звуковыя параллели: є : є = і : і. Правильными замѣстителями старыхъ е, і —

¹⁾ Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ; вып. I. СПБ. 1880; напримѣръ на стр. 77 и слѣд.

безъ сомнѣнія являются задніе е и ى; є и і встрѣчаются, какъ было показано, только при известныхъ условіяхъ. Въ древнемъ языѣ е не могло стоять въ словахъ гортанного (задняго) звука (по монгольской терминологии „мужскихъ“). Въ хУрг. нарѣчія, какъ и въ другихъ новыхъ нарѣчіяхъ, уже встрѣчаются въ такихъ словахъ какъ є, такъ и ى; но въ среднихъ и гортанныхъ словахъ слышится, при переходѣ къ слѣдующему є, или ى отъ гортанного (а, о, у) или средняго (ۆ, ۈ) гласного первого слова (только не послѣ сильныхъ согласныхъ) — „скользящій“ (переходный) звукъ ئ, ة, ئ; это указываетъ, что установка надставной трубы для слѣдующаго гласного слѣдуетъ только послѣ того, какъ выполнена артикуляція звука или сочетанія звуковъ, находящихся между ними. При сильныхъ и переднеязычныхъ эти переходы кажутся короче и совершаются раньше. Напримеръ: номٰت — „книги (genit.)“ < «ном-ун»; хوندٰى (хүндї, хүндї) — „пустой“ < «کۈندي, (köndei)»; далٰە — „море“ < «далай»; ۈگەن наряду съ ۈگى — „не, нѣть, безъ“ < «үгей».

44. Краткіе і и е второго или слѣдующихъ слоговъ редуцируются въ хУрг. говорѣ въ ى и є. Изъ «-ін» и «-ен», какъ уже было выше указано (§ 33), развились звуки ى и є. Эта редукція гласныхъ, о которой мы говорили уже въ отношеніи ё и ö, кажется, возникла сначала въ южныхъ нарѣчіяхъ и явилась естественнымъ результатомъ общихъ законовъ ударенія въ монгольскомъ языѣ (см. ниже § 59). хУрг. говоръ, повидимому, и въ этомъ отношеніи занимаетъ среднее мѣсто между южными и сѣверными нарѣчіями. Напр.: «морін» > хУрг. مورى, Баргубурятск. морыц, моріٰق, чахарск. мۆر, کالماق. مۆرن — „кошъ“.

45. Текущее монголо-халхаское, а также и другія нарѣчія монгольского языка знаютъ широкій звукъ ä (low-front-wide), который встрѣчается въ финскомъ языѣ, напр.: „täällä“ (— „здесь“) и въ финляндскомъ діалектѣ шведскаго языка, напримѣръ въ словѣ: „bän“ (— „здесь“); этотъ звукъ встрѣчается только въ видѣ долгаго или наддолгаго въ концѣ слова. Онъ или развился изъ конечнаго дифтонга «-ai» или «-ei», или же явился въ словахъ съ передними гласными, когда ему соотвѣтствовало конечное «-ä» въ словахъ съ задними гласными; напримѣръ: «јабугараи» (?) > хУрг. jawārā — „иди“, также хУрг. iрērā — „приходи“, вмѣсто книжнаго «ірегереi» (?); iрēn, iрnā — „прихожу, приду“ — соотвѣтственно съ jawān, jawānā — „идеть“; ھەرە — „его (свой) домъ“ — соотвѣтственно съ ھارا — „его (свая) рука“ < گار-ijan, گار-juغان».

46. При произношении гласного в начале слова голосовая щель открыта и слабо начатое выдохание усиливается, пока оно не достигнет достаточной силы, причем голосовые связки сильно натянуты и появляется голос. Так как надставная труба приняла уже до появления голоса соответствующее положение для модификации гласного, то при сильной артикуляции перед гласным — яснее всего перед узкими *у*, *ү* и *и* — слышится слабая безголосная инкурсия. Итак, в хург. мы имеем инкурсию гласного со слабым придыханием (*gradual glottid*¹⁾).²⁾ Такъ думаетъ и Бобровниковъ, когда онъ въ своей грамматикѣ утверждаетъ, что «ирген» — „народъ“ иногда звучитъ какъ „hîrgen“²⁾. Точно также и Позднѣевъ указываетъ на это явление³⁾.

¹⁾ Sievers⁵ § 389; ⁴ § 362.

²⁾ Op. cit. § 15. Ср. также: Арабъ-филологъ, въ своемъ труде о монг. яз., изданиемъ И. М. Меліоранскимъ, перед гласными въ началѣ слова часто писалъ *h* (напр. стр. 453: *hүнагай* — „лица“). Въ квадратномъ письме также встречаются: «харапан» (= «*аран» — „народъ“), «харапан» (= «арбан» — „десять“). Гирачесъ (op. cit. p. 88) писалъ: *hutut* (= «одуд», хург. *оддот* — „звѣзды“) и *honk'an* (= «үнеген» — „лица“). Еще сильнѣе инкурсия гласныхъ въ дахурскомъ языке, где А. О. Ивановскій обозначалъ её черезъ *х* (*хárba* — „10“ < «арбан»; *хекі* — „голова“ < «екін»), или *ү* (*үарба* — „10“, *бүндүр* — „высокий“ < «үндүр») [Mandjurica. СПБ. 1894. Стр. 53 и 54]. Ср. Саньчуганьское, Шира-Чургское харбан, У-янь-бу'ское харван, боу-паньское харвон — „10“. (См. Г. Н. Потанинъ, Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, СПБ. 1893 г. Т. II, стр. 422).

Въ Юань-чао-ми-ши (см. выше стр. 26) имеется напримѣръ: „хучжаур“ < письм. «içaq'ur» — „родъ, корешъ“. *Ј*

³⁾ Въ предисловии къ „Монголо-бурятскому переводчику“ (СПБ. 1891 г. стр. VIII) онъ говоритъ, что „гласные звуки, за исключениемъ „а“, монголы произносятъ вообще крайне неясно и неопределенно. Это зависитъ отъ присутствія у нихъ при каждой гласной придыханія“, а также что о „произносится, особенно чѣмъ началѣ слова, всегда съ значительнымъ придыханіемъ“ (?). Впрочемъ, я не могу утверждать, чтобы я правильно понялъ слово „придыханіе“. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ у монголистовъ оно употреблялось не только для обозначенія *придыханія* (аспирацій), но также и для согласного дифтонга (аффрикацій), для звука *h* и долгаго гласного („твердое придыханіе“), а также для второй части дифтонговъ (какойнибудь гласный + *i*), для звука *j* и для смягченія („мягкое придыханіе“).

Такую же инкурсию, какъ и гласные, въ началѣ слова имѣютъ и всѣ прочіе звонкіе звуки, т. е. голосъ начинаетъ звучать лишь послѣ того, какъ надставная труба приняла соответственное положеніе для произношенія данного звука. Такъ, начинаются безъ слышимаго участія голоса начальные: «л-» (= *l*-), «j-» (= *j*-), «з-» (= *z*-), «ц-» (дж-¹⁾), «г-» (= *g*-), «г-» (= *g*-), «д-» (= *d*-), «б-» (= *b*-). Звонкіе р-, з- и ж- уже въ общемонгольскомъ пражзыкѣ въ началѣ словъ были невозможны.

Въ носовыхъ и имъ смычной инкурсія является глухой и не слышимой и только гласная рекурсія въ началѣ слова считается характерною.

47. Какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ словъ обнаруживается склонность монгольского языка къ „упущенію“ голоса: голосъ въ концѣ обрывается раньше времени, т. е. рекурсія звука является глухой²⁾.

48. Относительно конечнаго гласного слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ обыкновенно произносится нѣсколько болѣе слабо и открыто, чѣмъ

¹⁾ На глухую (безголосную) инкурсию звуковъ з и ц указываетъ, какъ было упомянуто, и транскрипція цз и чж. (Ср. выше § 13 и примѣч. 1).

²⁾ Поэтому то, какъ было уже сказано выше, правильнѣе всего было бы писать, напримѣръ: *гáл* — „огонь“, и *гáр* — „рука“, которые я, однако, изображаю для простоты въ видѣ *гал*, *гар*. (Ср. выше §§ 5, 28, 29).

Сюда же относится полное отпаденіе конечнаго и, въ словахъ *халу* — „горячий“, *үс* — „вода“, *бүдү* — „толстый, компактный“, *мүс* — „ледъ“, вместо встречающихся въ *sandhi* *халу*, *үссү*, *бүдү*, *мүссү*. (Ср. выше §§ 33 и 34).

Затѣмъ слѣдуетъ тутъ отмѣтить отпаденіе (арокоре) конечнаго гласного, напр.: *унаг* — „жеребенокъ“, *үнүг* — „лица“, *арай* — „водка“ < *унаға*, *үнеге*, *аракі*.

Въ односложныхъ словахъ голосъ передъ конечнымъ согласнымъ болѣе устойчивъ, чѣмъ въ многосложныхъ; поэтому я пишу напримѣръ: *хой* — „соръ“, но *т'оххой* — „пусть сѣдѣастъ“, *аб*, *аш* — „возьми“, но *т'үүп* — „вѣжливость, скромность“, чтобы этимъ обозначить, что инкурсія конечныхъ слабыхъ (*lenes*) въ односложныхъ словахъ является звонкою, а что въ многосложныхъ она уже стала совсѣмъ глухою. (Ср. выше § 14).

начальный и срединный гласный. Мускулатура надставной трубы уже не такъ сильно напряжена и возвращается въ нормальное положеніе покоя. Это ослабленіе проявляется во всѣхъ неударемыхъ гласныхъ въ видѣ неясности артикуляції (*«а» > ā; «о» > ō; «у» > ū; «ү, ö» > ū; «е» > ē; «и» > ī*), и въ долгихъ конечныхъ звукахъ, въ видѣ спорадического расширѣнія, которое яснѣе всего выступаетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ:

ē > ā,	гердā —	оригинально и одинаково
ū > ū,	сū, хū —	
ā > ā,	зā —	
ō > ō,	уртō —	
ā > ō,	модбрō —	
ā > ū,	хöлбрō —	
ō > ū,	г°ā —	
ē > ā,	малгā —	
ī > ū,	харанхūā —	
ī > ū,	гүā, ўгүā —	
	гердē — „дома“;	
	сū — „молоко“, хū — „сынъ“;	
	зā — „да, такъ, конечно“;	
	уртō — „почтовая станція (уртонъ)“;	
	модбрā — „своей палкой“;	
	хöлбрā — „своей ногой“;	
	г°ō — „красивый, прекрасный“;	
	малгē — „шапка“;	
	харанхūī — „мракъ, темнота“;	
	үгүē, ўгүī — „безъ, не“.	

Срв., кромѣ того, сказанное выше (§§ 40, 42 и 43) относительно ō — ū, ē — ū, i — ī, и ī.

49. Къ этому очень близко подходитъ другое явленіе, которое можно понимать въ томъ смыслѣ, что для лучшаго выясненія слушателю значенія данного слова, къ посѣднemu слогу его присоединяется „междометіе“. Это „междометіе“ (въ буквальномъ смыслѣ) является въ видѣ долгаго гласнаго, обыкновенно широкаго ā, ū, а также, въ зависимости отъ вокализма данного слова, въ видѣ ō, ū (которые въ этомъ случаѣ еще шире обыкновенныхъ) или ī (въ этомъ случаѣ часто = ū). Оно встрѣчается въ эмфатической (усиленной, восторженной, съ пафосомъ) рѣчи, когда говорящій на извѣстномъ словѣ усиленно настаиваетъ и, вообще, когда желаетъ внести большую искренность въ сказанное имъ слово. Примѣры: *ирсē* — „приходить“, но *ирсā* — „дѣйствительно приходить“; *саёхā* — „хорошо“, но *саёхā*, *саёхā* — „онъ вѣдь хороший“; *енē* — „этотъ“, но *енē, енā* — „какъ разъ этотъ“; *үгүī* — „не, нѣть“, но *үгүā* — „о! нѣть“; *ирерā* — „приди“, но *ирерā* — „приди же“; *бағшī* — „учитель“, но *бағшā* — „учитель!“ (vocativus, звательн. па-

дежъ); *нүххүр* — „другъ“, но *нүххүрō*, *нүх̄ор* — „другъ!“. Обыкновенно при медленномъ перечисленіи отдельныхъ предметовъ слышится, напримѣръ, вместо нег, *хојжёр*, *гурвү*, *дүрвү*, *тāwā*, *зургā*, *долō*, *наёмā*, *յүссү*, *арвā* (1, 2, 3^а и т. д.); нега, *хојжора*, *гурвā*, *дүрвā* (*дүрвō*), *тāwā*, *зургā*, *долō*, *наёмā*, *յүссō*, *арвā* и т. д.

Кромѣ этого утвердительного междометія существуетъ еще два другихъ: просто вопросительное -ū, -ū (-ū), а послѣ гласныхъ -jū, -jū, (-jū) и вопросительное съ оттенкомъ сомнѣнія или удивленія („неужели?!“) -ī; напр.: *ирсēū* — „пришолъ ли онъ?“ чѣ *нүххүрū* — „другъ ли ты?“ *бâёнү ѿгъејū* — „есть ли или нѣть“ и *ирсēī* — „говоришь ли ты (*что онъ* или *про него*): „пришолъ?“; чѣ *нүххүрī* — „ты другъ ли его?“; „говоришь ли ты дѣйствительно:—другъ?“; *үссī* — „вода?“). Въ письменномъ языкѣ эти звуки ū, ū передаются черезъ «у, уу, -г'у, г', угу, ууу, буу», а въ хУрг. сопоставляются въ народномъ сознаніи съ jū — „что“. Мы находимъ эту вопросительную частицу также въ манджурскомъ языкѣ, где она можетъ находиться въ серединѣ слова (также какъ въ монгольскомъ языкѣ ī?). Срв. манджурск. *«саін»* — „хорошо“, *«сајун»* — „хорошо ли?“. Частица сомнѣнія ī въ письменномъ языкѣ мнѣ не встрѣчалась, и обѣ ней до сихъ поръ не упоминалось ни въ одной грамматикѣ, но она, безъ сомнѣнія, тоже развилась изъ вопросительного „междометія“ *«-jū»*, *«-jū»¹*).

50. Выше (§ 32, Б) было уже разобрано, какъ изъ конечнаго слабаго и и ц образовался носовой звукъ безъ смыканія, который я обозначаю знакомъ , у предыдущаго гласнаго. Носовые гласные монгольскихъ нарѣчій значительно различаются между собою; некоторые бурятскіе говоры имѣютъ здѣсь обыкновенное ц (съ велярнымъ смыканіемъ), которое въ хУрг. встрѣчается только въ видѣ исключенія. Носовые гласные ā, ū, ū, и т. д. часто замѣняются посредствомъ а, о, у, и т. д., въ особенности въ концѣ такта рѣчи, т. е. мягкое нѣбо (*velum*) не опускается совсѣмъ для прохода воздуха черезъ носовые каналы. Въ серединѣ предложенийъ, въ словахъ, тѣсно связанныхъ со слѣдующимъ

¹) А. Д. Рудневъ сообщилъ мнѣ, что онъ, въ бытность свою въ Восточной Монголіи въ 1903 г., записалъ у монголовъ хошунъ Дурбут-байса къ югу отъ Цицикара, единственно употребляемую ими частицу вопроса -ī. Напримѣръ: *мэдвī?* — „понялъ-ли?“; *бানī?* — „есть-ли?“.

словомъ (т. н. sandhi), вновь имѣется первоначальный звукъ н или замѣстители его ю и мъ. Такъ, передъ послѣдующимъ гласнымъ, вместо ё, ў, ... слышатся: -ян-, -ён-, -үн-, -ән-, -ән- и т. д., а передъ согласнымъ—носовой звукъ, однородный по мѣсту произношенія съ даннымъ согласнымъ. Но передъ ј, съ, ш и л не замѣчается никакой ассимиляціи. Послѣднюю, равнѣмъ образомъ, нельзя встрѣтить тамъ, где слова воспринимаются, какъ совершило независящія другъ отъ друга; напримѣръ: улѣ хүрү—„красный (конь) и коричневый (кошь)“, но улән-хүрү—„красновато-коричневый“; үурwү, дүрwү—„три, четыре“; но үурwүн-дүрwү—„три четверки; 3 × 4 (= 12)“; мүңгүзбс—„(вѣсное) серебро и монеты“, но мүңгүн-збс—„серебряная монета“ и т. д. Правильность этого чередованія наталкиваетъ меня на мысль принимать формы безъ носовыхъ—за существительныя, а съ носовыми—за прилагательныя. Именно такъ мы ихъ толковали мои учителя-монголы. Теперь въ хУрг. часто образуются такія прилагательныя, которыхъ прежде никогда не было. Напримѣръ: отъ шил (см. § 33)—стекло“; шур (тибетск. གྲྷ; письменное монгольское «шіру»)—„кораль, моржанъ“; шиллэм-бѣшт—„стеклянный домъ“; и шурүн-хамгай—„ворота изъ коралловъ“.

31. Въ теоріи, конечно, любой гласный звукъ можетъ быть также глухимъ, т. е. надставная труба можетъ принять соотвѣтствующее тому или другому гласному положеніе, и выыханіе можетъ имѣть соотвѣтственную силу безъ того, чтобы голосовые связки приходили въ дрожаніе. Фактически же, въ обыкновенной рѣчи, глухіе гласные какъ самостоятельные звуки не употребляются; они только иногда замѣчиваются, въ высшей степени краткіе, и до неопредѣленности редуцированные гласные, когда эти послѣдніе стоятъ на концѣ слова, или между глухими звуками. Степень глухоты редуцированного звука зависитъ отъ характера и скорости рѣчи, о чомъ будетъ говорено ниже (§ 39). Глухіе гласные я все обозначаю при помощи знака э. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ звукъ чаше всего встрѣчается при сильныхъ (fortes) смычкахъ, потому что при нихъ выдыхаемый воздухъ идетъ на образованія шума, характеризующаго сильные звуки. Такъ, встрѣчаются рядомъ: ҳаддатѣ и хаддатѣ—„скалистый, со скалами“ < «қада + тай», хѣтѣтѣ и хѣтѣтѣ—„съ огнивицей“ < «кете + тей», аххатѣ и аххатѣ—„со старшимъ бра-

томъ“, аххадѣ и аххадѣ (ахдѣ)—„своему старшему брату“; нутүгт и нутгэгт—„родины“ (genitivus). Въ этомъ отношеніи очень интересно ругательное выраженіе цэгтгас, эцэгтгас—„отцеубийца“ < «ечиге јүген алағсан», выговариваемое обыкновенно съ большой силой.

Вслѣдствіе обращенія въ глухой гласнаго, находившагося въ серединѣ слова, подверглись стяженію, между прочимъ, слѣдующіе слоги: «хаха, җаха» > хѣ; «хүхү, гүхү, гөхү, хөхү» > хү напримѣръ: баралхай—„получить аудіенцію“ < «барағамлаку»; ірэчихү—„приходить“ срв. ірэчихай—„пришолъ“; тѣхү—„такъ быть, такъ дѣлать; да“ срв. тѣгэлай—„такъ это и было“¹⁾.

Конечно, нельзя установить опредѣленныхъ границъ между глухотой гласныхъ и ихъ полнымъ исчезновеніемъ. Во многихъ случаяхъ совершенно невозможно провести послѣдовательныя правила при транскрипціи монгольскихъ словъ, такъ какъ монголы, въ зависимости отъ ясности или небрежности въ рѣчи, употребляютъ безъ различія полно-звуковые, средніе или глухіе гласные (срв. слабые согласные § 13). Благодаря такому чередованію, звонкіе гласные очутились въ такихъ положеніяхъ, где они, съ этимологической точки зрѣнія, не могутъ быть оправданы. Напримѣръ: ўдук и ўдүт-ү-п—„годень для птицы, пьющей“ (< «уудай буй»), какъ ірэхэ и ірэхэ-и—„приду“; хүхүт (dativus) и хүхүдүт (< «кеукед-түр»)—„дѣтямъ“; ўгүн наряду съ ўгвай (< «օցե»)—„далъ“ (ср. § 33). На концѣ слова я отмѣчаю глухіе гласные только въ видѣ исключенія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ чередоваться со звонкими. Такимъ образомъ, слѣдуетъ отмѣтить, что конечные краткіе гласные въ хУрг. часто отпадаютъ (апокошируются). Благодаря отпаденію конечнаго гласнаго, въ новомъ языкѣ, на концѣ словъ звуки и и г могутъ оказаться вновь; напримѣръ: морин—„копъ“ изъ < «морин іну»; ламаг—„монаха, ламу (accus.)“ срв. (бл)ама-жі (изъ тибетск. བླମା); вамѣг—„меня“ срв. намаї.

32. Въ многосложныхъ словахъ гласные ё, ў, ё, й вышли изъ

¹⁾ Укажемъ, что и въ манджурскомъ языкѣ это наблюдается очень часто, даже въ литературномъ; напримѣръ, отъ основы «баха»—„получать“, причастіе прошедшаго времени является въ формѣ «баха» < «*бахаха». (И. Захаровъ, Грамматика маньчжурского языка. СНБ, 1879 г., § 146, примѣч. 4).

краткаго второга слога, когда третій слогъ начинался со смычнаго или съ проточнаго, и слились съ плавными и носовыми. Такъ, съ одной стороны, произошли т'олг'ё — „голова“; т'амг'я — „печать, тавро“; дарг'я — (название монгольскаго чина); ірсё — „пришедшій“; jawаха — „ядія“ изъ письменныхъ «толуг'ай, тамуг'а, даруг'а, іргесен, ябуку», съ другой стороны — модні (= модні) — „дерева“; уссллахү (үслүхү) — „поить (водой), орошать“ изъ «модун-у, усулаку». Старое дѣление на слоги здѣсь было нарушено, при чомъ согласный второго слога перешолъ въ первый слогъ (синкопе). Если же этотъ согласный былъ л, р или м, то такія слова принимали участіе еще въ послѣдующемъ звуковомъ развитіи.

§ 3. Группа согласныхъ, которая сначала относилась къ первому и второму слогу, должна, вслѣдствіе выпаденія гласнаго второго слога, вся перейти къ первому слогу. Если это было соединеніе л, р, м + смычный или х, то часто между ними возникъ новый краткій гласній (такъ называемый „шва“ — еврейской грамматики, или „svarabhakti“ — санскритской) напримѣръ: хУрг. т'ергё, т'ергт — „телѣга“ < «терген»; Ծурѡ, Ծуруб — „три“ < «турбан»; т'үлгे, т'үлүг (не т'үлөг) — „двухълѣтній ягненокъ“ < «тѣлген»; хам'а, халлай — „ворота“ < «кағалған»; Ҫалба, Ҫалаб — „калпа“ (изъ санскритск. kalpa) < «калба», также «калаб». Сообразно съ этимъ, видимо, развились также въ хУрг. напр. т'амаг', дараг' изъ хУрг. т'амг'я, дарг'я (§ 32). Доказательствомъ того, что ѿ въ т'амаг' не передаетъ первоначальнаго гласнаго второго слога письменного «тамуг'а», а скорѣе гласній третьяго, т. е. что выпаденіе (synkope) гласнаго второго слога древнѣе, чѣмъ отпаденіе (apokope) конечнаго гласнаго, явствуетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ: т'аміх — „табакъ“; аріх — „водка, хлѣбное вино“ < «тамакі, аракі». Иначе трудно было бы объяснить регрессивное дѣйствіе ѿ на гласній первого слога черезъ гласній второго слога.

§ 4. Къ сожалѣнію, все эти объясненія исчезновенія гласныхъ не могутъ дать намъ общихъ правилъ или, вѣрѣже, такими правилами не удастся реконструировать старый языкъ. Встрѣчается цѣлая масса исключений и образованій по аналогии. Такъ изъ словъ: «күлесун, бургасун, калісун» и другихъ имъ подобныхъ развились: хыллүс — „потъ“; бург'ас — „кусть“, халліс — „кора“, а не хылсү, бург'сү, халсү. Должно быть, въ письменномъ языкѣ уже существовалъ какой-то

необычайно краткій гласній, который обозначался знакомъ «у, (ү)», ерв. «öг-кү» — „давать“ наряду съ «öгг-ү-гсен» — „даній“; «бал-г'ас-ун» — „городъ“ наряду съ «балг'ад» — „городѣ“. Такъ можно себѣ объяснить хУрг. аухү — „брать“, которое восходитъ къ «аб-ку», наряду съ письменнымъ «абу-ку». Эта же гласній мы встрѣчаемъ обобщеннымъ въ хУрг. словахъ: ўмсүхү — „одѣвать“; ўвдүхү — „дѣлать больно, болѣть“ и многихъ другихъ, въ противовѣсь съ книжными: «емўсү, ебедкү (ебескү)»; «ү» обобщилось (по аналогии) изъ такихъ формъ какъ «емўсүгсен, ебедүгсен». Но, не говоря уже объ этихъ «у, ү», не всегда можно вѣрно предвидѣть составъ гласныхъ (вокализмъ) даннаго слова въ хУрг., если основываться только на соответствующей формѣ письменнаго языка. Такъ напримѣръ имѣются: «арасун» наряду съ «арису» > аріс — „шкура“; «бург'асун» наряду съ бург'ас — „кусть“ и т. д.

§ 5. Когда гласній первого слога былъ і, а гласній послѣдующаго слога какой либодѣругой гласній, то этотъ послѣдній проникъ въ первый слогъ или „антицировался“, т. е. надставная труба приняла положеніе, необходимое для произнесенія его уже дѣ образования находящагося между шими согласнаго. Этотъ гласній получилъ удареніе, какъ болѣе широкій и болѣе звонкій. Первоначальный гласній і въ хУрг. часто встрѣчается въ видѣ краткаго скользящаго звука („gleitlaut“). Изъ сї развились ѿ или ѿ. Но есть такія слова, въ которыхъ не осталось и слѣда древнаго гласнаго і, хотя въ письменномъ языкѣ и некоторыхъ новомонгольскихъ нарѣчіяхъ сохранилось і; въ такихъ словахъ оказывается, что «чи, ҹи, си» > въ хУрг. въ ҹ, ӟ, с. Въ этомъ я склоненъ видѣть указаніе на существование уже въ древнемъ монгольскомъ языкѣ различія по нарѣчіямъ.

„Переломы“ этого рода („brechungen“) были слѣдующіе:

і передъ а > ¹а, а, въ началѣ слова яја, я, напр.:

«мің'ган» > м'анг'а — „тысяча“;
«сіадам» > шаддам — „палка“;
«іраг'ад» > ярят — „раскрываю“;
«імағап» > ямә — „коза“;
«мікан» > маҳхә — „мясо“.

i передъ с > ¹é, e; въ началѣ слова *jé > i (см. § 27).

«бідер (бедер)» > б'еддэр — „полосы, фигуры, рѣзьба“;
«пігеп» > нег, негé — „одинъ, иѣкій“.

i передъ у > ¹y, ý; напр.:

«чілагун» > чулý — „камень“;
«чісун» > цус — „кровь“;
«ціргутан» > зургá — „шесть“.

i передъ ў > ¹ü, ý; въ началѣ слова jü, напр.:

«сідүн» > шўд — „зубъ“;
«сілүн» > шўл, шўл — „супъ“;
«жісун» > jüs, jüssü — „девять“;
«ілдүн» > jüld(y) — „мечь, сабля“.

i передъ о > o, напримѣръ:

«чіно (чинуа)» > чонö — „волкъ“;
«ірогар (іругар)» > јорол — „дно“.

i передъ ö; примѣры, впрочемъ, не вполнѣ бесспорны: можетъ быть вѣрѣже было бы вмѣсто ö читать ý.

напр.: «ірёгел (іругел)» > јöрöл — „благословеніе“;
[«чілүге» > чöлö (ч'üлö) — „свободное время“].

Встрѣчается очень много исключений. Чаще всего такія, гдѣ вмѣсто ожидаемаго по вѣмъ правиламъ у имѣется а или á, напр.: «бірагу» > б'арü, также бірü — „тelenокъ на второмъ году“; «іну» произносится въ чтеніи: јану, но соотвѣтствуетъ частицѣ -ін въ живомъ народномъ языке. Въ иѣкоторыхъ односложныхъ словахъ i иногда перешоль въ а, á, что, пожалуй, указываетъ на существование первоначальнаго задніаго i.

Напр.: «сір» > шар — „быкъ, волъ“. Можно было бы предположить, что первоначальный i перешоль въ ¹é, а задний i — въ ¹á, и что встрѣчающіеся теперь гласные звуки о, у, ö, ý развились изъ низъ, принявъ на себя скругленіе губъ, требующееся для произнесенія слѣдующаго скругленаго (лабіализованного) гласнаго. Но мы видимъ, что преобразованіе i, подъ вліяніемъ гласнаго второго слога, относится къ различнымъ временамъ, и притомъ сначала (уже въ XIII вѣкѣ) для передняго i, а позже — для задняго i.

Интересны слова сообщенныя Гирагос'омъ: thiuron и ialtu (ioltu) наряду съ thiru, pitu, iman и tchino¹).

Слѣдовательно „переломъ“ гласнаго уже тогда начался въ словахъ съ передними гласными, но не въ словахъ съ задними гласными и даже не въ такихъ, гдѣ у насъ теперь имѣется a. На подобной ступени перехода звука находится, со временемъ своего отдѣленія отъ прочихъ монголовъ, языкъ афганскихъ монголовъ, гдѣ мы находимъ напр.: сўдун — „зубъ“, нудун — „глазъ“, но въ тоже время и шира — „жолтый“; чінб — „волкъ“²). Изъ этого слѣдуетъ, что позже всего образовался теперешній гласный дифтонгъ ¹á, хотя и онъ уже давнаго происхожденія.

36. Подобнымъ предварительнымъ приготовленіемъ артикуляціи послѣдующаго гласнаго объясняется возникновеніе палатализованныхъ (смягченныхъ) заднихъ гласныхъ, о которыхъ было уже упомянуто выше въ § 38. Гласные а, о, у подъ вліяніемъ слѣдующаго i подвинуты болѣе или менѣе впередъ и сужены. Въ хУрг. это примѣняется лишь по отношенію къ краткому гласному первого слога, а въ хЗап. и въ хотогойскомъ нарѣчіи также и по отношенію къ долгимъ гласнымъ. Въ южно-монгольскихъ нарѣчіяхъ эта „регрессивная“ палатализація пошла еще дальше: а > á, о > ö, у > ý. Напримѣръ: «талбігад, *табігад» > хУрг. т'aw'at, хотогойск. т'awat, чахарск. т'awat, калмыцк. т'awat — „положивъ“; «коріга» > хУрг. хöрö, хотогойск. х'öрö, чахарск. хöрö — „запрещеніе“; «агалі» > хУрг. ál, хЗап. ál, ál, чахарск. ál — „нравъ, норовъ“; «чай» (китайск. 茶) > хУрг., хЗап. ц'äö, чахарск. чä — „чай“. Въ иѣкоторыхъ словахъ встрѣчается однако переходъ «-агарі» > -äri > -äer; «-огарі» > -öri > -öer, напримѣръ: «дагаріку» > хУрг. дäerhä — „задѣвать, встрѣтить, попадать“; «догарі» (также «цöгері») > зöerí — „хранилище, погребъ“. Этими словамъ, однако, можно противопоставить напримѣръ: «саѓурін» > сüri — „место жилья“.

Примѣры прогрессивной палатализаціи не такъ часты. Отъ прогрессивной палатализаціи зависитъ то обстоятельство, что послѣ j вмѣсто

¹) См. H. Howorth, op. cit., p. 88.

²) См. мои Mogholica, а также Gabelentz, H. C. v. d., „Über die Sprache der Hazâras und Aimaks“. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, томъ XX, стр. 326 и слѣд.

ожидаемаго ў является ў. Можно, пожалуй, также появление гласных ё, і, ѕ, ў въ первомъ слогѣ (см. §§ 40, 42, 43) разсматривать какъ своего рода палатализацию.

57. Если гласнымъ первого слога былъ (краткий) е, а въ слѣдующемъ слогѣ — уже въ древности или вслѣдствіе позднѣйшаго перехода звуковъ — имѣлся звукъ ў (ў), то скругленіе губъ въ первомъ слогѣ было антицировано (предварено, предвосхищено). Напримеръ: «ебўл» > ѿwyl — „зима“; «едўі» > ѿd'ї — „еще не, (э)столько“, «терігўн» > т'урў, т'урў — „голова; раньше; впередъ...“.

Если гласнымъ первого слога былъ о, ѕ, а гласнымъ слѣдующаго слога а или е, то гласные второго слога во многихъ нарѣчіяхъ носятъ ясные слѣды лабіализаціи, т. е. скругленіе губъ продолжается прогрессивно также и во второмъ слогѣ. Въ хург. въ такихъ случаяхъ явилось сокращеніе (редукція) гласныхъ и получились ѕ, ў. Очень частая лабіализація въ другихъ нарѣчіяхъ, насколько я могу замѣтить, нерѣдко является только кажущейся; дѣло въ томъ, что вместо ѕ, ѕ или подобныхъ имъ звуковъ, писали обыкновенно о и ѕ. Срв.: калмыцкое письменное «орѡд», читается орад — „вошедши“; «тѡлѡдў», читается тѡлѡдѣ — „для, ради“. Несмотря на это, въ каждомъ монгольскомъ нарѣчіи, все же остаются некоторые, вполнѣ достовѣрныя доказательства лабіализаціи гласныхъ.

Гласные дифтонги.

58. Въ письменномъ языкѣ повидимому встречаются дифтонги какъ съ гласнымъ «-у (-ў)», такъ и съ «-і».

Дифтонги на -у (-ў) безъ сомнѣнія можно разсматривать какъ развиившееся изъ первоначальныхъ сочетаний: гласный + проточный *w (см. § 21). Дифтонги на і имѣютъ болѣе разнообразное происхожденіе: такъ напримѣръ: ai (aji) происходить 1) въ словѣ «сајін» — „хорошій, здоровый“ — отъ *аџі (срв. уйгурск. саф — „здоровый“); 2) въ словѣ «кајічі» — „ножницы“ можетъ быть отъ первоначального *ајі и 3) на концѣ словъ появилось вслѣдствіе особыхъ законовъ о конечныхъ гласныхъ, срв. «јабуба» = «јабубай»; «јабулуг'а» = «јабулуг'ай»; единствен. число: «нокаі» — „собака“, множествен. ч. «нока-с» — „собаки“.

Монгольскіе дифтонги развились очень различно въ разныхъ нарѣчіяхъ; южная нарѣчія, въ качествѣ замѣстителей этихъ дифтонговъ, сохранили теперь долгіе гласные, а самыя сѣверныя — сохранили лишь дифтонги на і, но только въ измѣненномъ видѣ.

Въ халхаскихъ нарѣчіяхъ, по крайней мѣрѣ въ хург. говорѣ, при дифтонгахъ замѣчаются слѣдующія измѣненія (переходы):

1. Дифтонги на «у- (ў-)».

«ау» > ў, напр.: «таулаі» > т'ўлї — „заапъ“
«еў» > ў, напр.: «кеўкен» > х'ух'ї — „дѣвушка“.

Изъ дальнѣйшихъ дифтонговъ на у, въ письменномъ языкѣ имѣль только «оу», да и тѣ подъ большими сомнѣніемъ, такъ какъ для «о» и «у» имѣется одно и то же начертаніе и, поэтому, начертаніе Я можно читать: оо или уу, а также оу или уо. Тѣмъ не менѣе, я склоненъ думать, что слѣдуетъ его читать оу (напр. «доура» — „внизу“, «гоул» — „рѣка“, «тоур» — „сѣть“) и что этотъ дифтонгъ позднѣе перешолъ въ долгій (полудолгій?) о (ѡ). Въ чахар'скомъ нарѣчіи теперь имѣется ѕ, въ хург. говорѣ тѣ долгое ѕ: дѣр҃о — „внизу“, т'ѣр҃ — „сѣть“, тѣ краткое о: ғол — „рѣка“, — дор҃о — „подъ“; хаз. и хотогйт'ское нарѣчіе имѣютъ всегда краткое о (объ «уу» см. ниже § 61).

2. Дифтонги на «і».

«ai (aji)» съ удареніемъ > ѕ, безъ ударенія є; напр.: «чай» > ц'аё — „чай“; «кајічі» > х'аёч'ї — „ножницы“; «далаі» > далї — „море“; «малағаі» > малї є — „шапка“. Передъ ѡ является въ первомъ слогѣ ај-; въ слогѣ безъ ударенія є- и ej-.

«oi (oji)»; съ удареніемъ > ѕ, (примѣръ на оi безъ ударенія не встрѣчается); напримѣръ: «ојира» > бѣр҃о, бѣр҃ — „блзко“; «ојимуку» > бѣмокъ — „плавать“.

«ui (үji)»; съ удареніемъ > ўj, безъ ударенія > ѹ; напр.: «үjlаку» > ўjlажа — „плакать“; «караңгуї» > харәңх'ї — „темнота“. Въ хотогйт'скомъ «үi» > ў, въ чахар'скомъ ў.

«ei (ej)»; съ удареніемъ и безъ него і; напримѣръ: «теjиму» > т'їмѣ — „такой“; «еченекеі» > ец'їх'ї — „утомленный, худой“. Въ окончаніяхъ проявленіе этихъ переходовъ перекрецивается, бла-

годара действию аналогий. У западных монголовъ еі безъ ударенія дало ё (ঃ).

Для дифтонга «öi» въ письменномъ языке нѣть безспорныхъ при-мѣровъ. Въ заимствованныхъ словахъ встрѣчается «öi» > ёи напр.: ч'ёйцн наряду съ ч'ёйцн (изъ тибетского ཚྱྱ ཤྱ སྱ ཤྱ — „гений, хранитель ученія“) — встрѣчается въ именахъ собственныхъ.

«үj (үji)»; съ удареніемъ > үj, безъ ударенія > үi; напримѣръ: «сүјд» > сүйт — „распадъ, разрушение, гибель“; «едүi» > ўd'i — „еще не, (э)столько“.

У хотогойт'овъ «үj» > ў; у чахар'овъ > Ӯ.

Такимъ образомъ, изъ прежнихъ дифтонговъ въ хург. сохранились лишь ёи и ёи. Но кромѣ нихъ, въ новомъ языке, вслѣдствіе „перелома“ гласныхъ второго слога въ первый и сліянія двухъ слоговъ въ одинъ, получились краткіе и долгіе гласные съ предшествующимъ (переходнымъ) скользящимъ звукомъ (gleitlaut): ֠а, ֠а, ֠е, ֠е, ֠ү, ֠ү, ֠е, ֠и, ֠е, ֠и и др.

Удареніе.

59. Удареніе въ монгольскомъ языке экспираторное и въ хург. говорѣ чрезвычайно сильное. Различіе между силой экспираціи ударяемаго слога и неударяемаго такъ велико, что слогъ безъ ударенія, какъ мы видѣли выше (§§ 51—53), въ живой рѣчи часто совсѣмъ исчезаетъ¹⁾.

Я не понимаю, какимъ образомъ, несмотря на это, можно быть различного мнѣнія объ удареніи въ монгольскомъ языке. Едва ли есть другой языкъ, въ которомъ удареніе на первомъ слогѣ было бы такъ сильно, какъ въ монгольскомъ (= „восточно-монгольскомъ“). Это уже замѣтилъ

¹⁾ Я хочу указать, какъ на интересное явленіе и, какъ на лучшее доказательство правильности моего пониманія, на небольшую, но самостоятельную попытку, сдѣланную гг. Vitale и Sercey (*Grammaire et vocabulaire de la langue mongole*, Peking, 1897). Тамъ я, къ моему удовольствію, нашолъ всюду только разговорный языкъ. Ударяемый слогъ другихъ грамматиковъ совершенно исчезъ, напримѣръ въ словахъ ah — „брать“, mot или mod — „дерево“, uzc — „смотря“, magd — „достовѣрно“ и т. д.

Я. Шмидтъ¹⁾, но все позднѣйшіе изслѣдователи — Бобровниковъ²⁾, Орловъ³⁾, Позднѣевъ⁴⁾ и др. — утверждаютъ, что удареніе по-коится на послѣднемъ слогѣ. Чтобы понять это странное заблужденіе, можно, пожалуй, здесь упомянуть, что ламы и грамоты при чтеніи литературы — до сихъ поръ изслѣдователи монгольского языка главнымъ образомъ придерживались книжнаго материала — произносили все слоги слова отчетливо и, стараясь какъ бы подчеркнуть древность и совершенство литературнаго языка, немного протягиваютъ послѣдній слогъ. Если, однако, въ этомъ находить достаточное основаніе, чтобы, несмотря на все сокращенія и исчезновенія гласныхъ утверждать, что удареніе находится на послѣднемъ слогѣ, то вмѣстѣ съ этимъ приходится утверждать, что монгольский языкъ читается на распѣвъ и даже довольно красиво. Но и при чтеніи на распѣвъ или не на распѣвъ, экспираторное удареніе всегда, безъ всякаго колебанія остается на первомъ слогѣ. Съ точки зрѣнія науки о языкахъ, притворно-благовѣйному чтенію, конечно, должно быть придано его истинное значеніе. Впрочемъ, обѣ удареніи письменнаго языка можно пока предполагать что угодно, — оно могло быть и на послѣднемъ слогѣ, какъ полагалъ О. Ковалевскій⁵⁾, такъ какъ относительно этого вопроса не достаетъ специальныхъ изслѣдований; но, чтобы ознакомиться съ законами ударенія монгольского языка, необходимо слышать, какъ монголы говорятъ на своемъ родномъ языке, а не основываться на ихъ испорченномъ жаргонѣ, какимъ является ихъ письменный языкъ. Русскіе, говорящіе по монгольски, не всегда могутъ произнести первый слогъ съ удареніемъ, если онъ кратокъ, потому что, вообще, краткій, но сильно ударяемый слогъ, русскому немного чуждъ. Не это ли ввело филологовъ въ заблужденіе?

Удареніе первого слога я обозначаю черезъ ' , а второстепенное удареніе черезъ : .

¹⁾ Грамматика монгольского языка (СПБ., 1832), стр. 15. [Grammatik der mongolischen Sprache (St.-Pbг., 1831), s. 14].

²⁾ Op. cit., str. 33.

³⁾ Op. cit., str. 14.

⁴⁾ Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1879, № 12, стр. 179/9.

⁵⁾ Краткая грамматика монгольского книжнаго языка. Казань. 1835 г., стр. 19, § 27.

60. Бывают, однако, случаи, когда последний слог слова получает самостоятельное ударение — *динамическое и музикальное*. Этот слог, въ такихъ случаяхъ, содержитъ въ себѣ „междометія“, о которыхъ говорилось выше въ § 49. Эти долгіе гласные могутъ быть произвольно удлиняемы, повышаемы и различно оттѣняемы (для выражения вопроса, сомнѣнія, удивленія, ироніи, призываанія и др.). Например: т’а саёнү или саёнү — „какъ поживаете?“; собств. „здоровы ли вы?“ отвѣтъ: б’и саём баёнä, т’а саёнү — „я здоровъ, а какъ Вы живаете?“. Часто по степени раздается протяжное сај-ja:wāl’yēn¹⁾ — „добрый путь!“ или „счастливо ли ѳдете?“ > «сајін јабуцу бајін-а-уу» на что отвѣчаютъ сајја:wāl’yēnä — „Ѳдемъ счастливо!“.

Количество.

61. Въ нарѣчию письменного языка долгіе „удвоенные“ (geminatae) согласные, повидимому, не встречались, а, быть можетъ, въ письме не было также и долгихъ гласныхъ. Въ некоторыхъ словахъ, впрочемъ, пишутъ для одного звука двѣ одинаковыхъ согласныхъ буквы, какъ напр.: «ккір» (— „грязь“), «оддугсан» (— „отправившійся“), «öтгүгсен» (— „давшій, данный“), «öдтүр» (— „быстро“), «куддуг» (— „колодецъ“); но въ этихъ случаяхъ ихъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять иначе; напр. слово «öтгүгсен» только благодаря такому начертанію можно отличить отъ «үкүгсен» (— „умершій“), «ккір» отъ «кір, кіра» (— „скатъ горы“), «куддуг» отъ «кутуг» (— „святость“).

Долгіе гласные предполагались въ словахъ «гоол, доора, тоор, тоос» и т. п., но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дифтонгомъ оу, а не oo (§ 58). Слова «куур» наряду съ «кугур», «ууку» наряду съ «уѓуку» (> хург. хүр — „балалайка“, ўхү — „пять“) слѣдуетъ разматривать какъ развившіяся изъ первоначальныхъ: *куур, *ууку. Чисто орфографически надо понимать, напримѣръ, «көлдегүү» — „мёрзлый“ > хург. хүлдү; срв. «көлдекү» — „замерзть“. Въ позднѣйшихъ же периодахъ исторіи языка, появились какъ долгіе согласные, такъ и долгіе гласные.

¹⁾ Знакомъ ^ я обозначаю „чрезмѣрную“ долготу гласныхъ.

A. Согласные.

1. Послѣ гласныхъ.

а) долги — послѣ краткаго гласнаго съ удареніемъ, въ словахъ односложныхъ; напримѣръ: ус — „вода“; ғац — „сталь“; ғар — „рука“; хоf — „соръ“ [для простоты я пишу: ус, ғац, ғар (ғар!), хоf].

б) под-долги — послѣ краткаго гласнаго съ удареніемъ въ словахъ многосложныхъ; долгота обратно-пропорциональна длины всего слова, напримѣръ: ғардә — „въ своей рукѣ“, ғалзү — „бывшій“ (я пишу ғардә, ғалзү); болбсөрөхү — „усовершенствоваться, созрѣть“, болбсөрүләб-чїк — „хотя бы даль созрѣть“.

в) долги или под-долги — когда долгій согласный, находившійся прежде между гласными, соединяется непосредственно со слѣдующимъ согласнымъ безъ открытия рта: устё ≤ уссүт¹⁾ — „воданой; съ водой“.

г) кратки или над-кратки — послѣ всякаго краткаго гласнаго безъ ударенія; напримѣръ: мургүл — „поклоненіе“; мургүк — „пусть поклонится, поклонись“; хамар — „ночь“.

д) кратки — послѣ всякаго долгаго гласнаго звука: хә (= хәл) — „хань“, хәл (= хәл) — „шина“, ном²⁾ — „книги, учения (genitivus)“, харүл (= харүл) — „карауль“.

2. Между гласными.

а) над-долги (т. е. удвоены (geminata), съ долгой первой частью) — если они произошли при песчановеніи гласнаго (изъ: согласн. долгій + краткій); такъ, въ іддек ≤ іддэдек (іддэдек) — „ѳдящій“, ўссё ≤ ўссесё (ўссесё) — „выросшій“, боллә ≤ боллола — „совершилось“. Такое слияніе можно встрѣтить только при ускоренной рѣчи; обыкновенно задержаніе притока воздуха послѣ долгаго согласнаго болѣе или менѣе устраивается; такъ бываетъ всегда при соединеніи двухъ сильныхъ (fortes) (т, ц, ч), смотри § 54.

¹⁾ Въ письменномъ языке полная форма была: «усутай».

б) долги (т. е. удвоены (*geminata*), съ под-долгою первою частью) — согласные: х, т, ц, ч, д, з, ц, ј, л, с, ш, когда они стоять послѣ краткаго гласнаго съ главнымъ удареніемъ, передъ краткимъ гласнымъ безъ ударенія. Долгота обозначается: хх, дд, јј, лл, сс, шш. Лицо я пишу т, ц, ч, дз, ду, а не тт и т. д., такъ какъ долгота при сильныхъ (*fortes*) заключается болѣе въ предыдущемъ придыханіи, чѣмъ въ смыканіи, а при з, ц въ усиленіи форшлага д (дз, дик, а не дэз). Примѣры: ахх — „старшій братъ“, атт — „бѣшенство“, ецѣ — „устань“, хаддѣ — „скала“, Гадзэр — „земля“, худцір — „солончаковая почва“, уjjахѣ — „привязывать“, холлѣ — „далекій“, гессср — „Гесср“ (имя собств.), хашшѣ — „льнивый“.

в) над-кратки (т. е. удвоены (*geminata*) съ краткою первою частью) — тѣ же согласные, когда стоять послѣ краткаго гласнаго съ удареніемъ, передъ долгимъ гласнымъ безъ ударенія: ах^тг (= ах^тг) — „старшаго брата“ (*accusativus*), ут^та — „дымъ“, ецѣ — „усталь“, о^чо — „ушоль“, хазар — „узда“, хац^у — „бокъ“, хад^{ар} — „по скалѣ“, хоjjулѣ — „оба“, ол^у — „многіе“, ас^у — „спроси“, хом^у — „хочун“. Часто подъ вліяніемъ основныхъ формъ, имѣющихъ краткій гласный во второмъ слогѣ въ производныхъ формахъ сохраняются особенности, присущія положенію этихъ согласныхъ въ главныхъ формахъ, но необъяснимы съ точки зрѣнія данной формы; такъ, напр.: хоjjулѣ — „оба“ изъ хоjjор — „два“, уссар — „по водѣ“ изъ усс^у, и т. п.

г) кратки (т. е. цѣликомъ относятся къ слѣдующему слогу) — все согласные послѣ долгаго ударяемаго и всякаго неударяемаго гласнаго, а согласные р, н, м, в, т, г также и послѣ ударяемаго гласнаго. Дигоноиги з (дз), ц (дж), ц (тс), ч (тш) также разсматриваются какъ краткіе (= дз, дж, тс, тш).

3. Въ началѣ слова.

Согласные, въ томъ числѣ сильные (*fortes*), а также и согласные-дигоноиги, бываютъ всегда краткими.

Звуки, которые въ отношеніи количества являются ослабленными, обозначаются маленькими надстрочными буквами. Они появляются, между прочимъ, въ краткихъ дигоноигахъ, происшедшихъ изъ ¹а, ¹е, ¹у, ¹ү (см. § 55); въ долгихъ дигоноигахъ ¹а, ¹о, ¹у, ¹е, ¹ö, ¹ü, которые

произошли отъ развитія «-ij-» («ij или iг»); въ ¹а, ¹е, ¹е, ¹и, происшедшіи или изъ дигоноигъ или же изъ гласныхъ, появившихся вслѣдствіе „задержанія“ предшествующихъ заднихъ или среднихъ гласныхъ. Краткій гласный форшлагъ ¹ послѣ п и х дѣлается глухимъ (j), но я передаю его черезъ ¹; напримѣръ: хітадъ > хУрг. хътат — „китаецъ“, хіја > хъј — „тѣлохранитель“, шү (< китайское 票) — „билетъ“. Изъ надстрочныхъ согласныхъ знаковъ я примѣнилъ только въ объясненіяхъ знаки: ¹ — въ „х“: напримѣръ въ монхъ = монхъ — „вѣчный“; ¹ — напримѣръ въ ўрт^то = ўрт^то — „почтовая станція“; ¹ — напримѣръ въ алт^ц = алт^ц — „золото“.

Едва ли нужно отмѣтить, что все эти опредѣленія количества очень относительны и нуждаются въ поправкахъ. Долгота того или другого звука на одной и той же ступени бываетъ, въ зависимости отъ характера и быстроты рѣчи, весьма различна. Чтобы достигнуть въ этомъ отношеніи полной ясности и точности, следовало бы произвести опыты при помощи специальныхъ чрезмѣрительныхъ приборовъ.

Б. Гласные.

хУрг. говорѣ дѣлаетъ различіе только между долготой и краткостью. Долгіе гласные произошли или изъ дигоноигъ, или же изъ двухъ краткихъ звуковъ, вслѣдствіе исчезновенія или регрессивнаго передвиженія бывшаго между ними согласнаго (§ 19 и сл.). Иногда они могутъ быть удлинены. Долгіе гласные являются спорадически также въ слогахъ съ удареніемъ, особенно передъ р и л; напр.: ёр — „юрта“; genitivus (родит. пад.) ёрі; ёра — „оборотная сторона, сѣверъ“; ўлгур — „сказка“; хіх^у — „дѣлать“ (< «гер, ару, улігер, кікү»). Наоборотъ, вместо дигоноига въ письменномъ языке, въ словѣ т^еху, т^егена — „такъ дѣлать, такъ быть; да“ (срв. «тейін» — „такъ“) является краткій гласный¹).

62. Въ заключеніе, согласно прекрасному старинному обычью, попытаемся въ грубыхъ чертахъ, въ наглядной схемѣ представить звуки, изслѣдованные выше говора.

¹⁾ О видоизмѣненіи словъ хүң (хуң) — „человѣкъ“ и ўехү — „сказать“, наряду съ «кумүн» и «гемекү», было уже говорено выше (§ 21).

60. Бывають, однако, случаи, когда последний слогъ слова получаетъ самостоятельное удареніе — *динамическое и музыкальное*. Этотъ слогъ, въ такихъ случаяхъ, содержитъ въ себѣ „*междометія*“, о которыхъ говорилось выше въ § 49. Эти долгіе гласные могутъ быть произвольно удлиняемы, повышаемы и различно оттѣняемы (для выражения вопроса, сомнѣнія, удивленія, ироніи, призываанія и др.). Напримеръ: т'а саёнұ — или саёнұ — „какъ поживаете?“; собств. „здоровы ли вы?“ отвѣтъ: бі саём баёнâ, та саёнұ — „я здоровъ, а какъ Вы живаете?“. Часто по степени раздается протяжное сај-ja:wāq'ēnұ¹⁾ — „добрый путь!“ или „счастливо ли ёдете?“ > «сајін јабуңу бајін-а-уу» на что отвѣчаютъ сај-ja:wāq'ēnâ — „ёдемъ счастливо!“.

Количество.

61. Въ нарѣчіи письменного языка долгіе „удвоенные“ (*geminatae*) согласные, повидимому, не встрѣчались, а, быть можетъ, въ немъ не было также и долгихъ гласныхъ. Въ некоторыхъ словахъ, впрочемъ, пишутъ для одного звука двѣ одинаковыхъ согласныхъ буквы, какъ напр.: «кір» (— „грязь“), «оддуғсан» (— „отправившійся“), «öggүгсен» (— „давшій, данный“), «бdtүr» (— „быстро“), «кулдуғ» (— „колодець“); но въ этихъ случаяхъ ихъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять иначе; напр. слово «öggүгсен» только благодаря такому начертанію можно отличить отъ «үкүгсен» (— „умершій“), «кір» отъ «кір, кіра» (— „скатъ горы“), «кулдуғ» отъ «кутуғ» (— „святость“).

Долгіе гласные предполагались въ словахъ «гоол, доора, тоор, тоос» и т. п., но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лифтонгомъ оу, а не oo (§ 58). Слова «куур» наряду съ «куғур», «ууку» наряду съ «үүку» (> хүрг. хүр — „балалайка“, ўхү — „чить“) слѣдуетъ разсматривать какъ развившіяся изъ первоначальныхъ: *куwр, *yw-ky. Чисто орфографически надо понимать, напримѣръ, «кölдегүү» — „мэрзлы“ > хүрг. хүлдү; срв. «кölдекү» — „замерзать“. Въ позднѣйшихъ же периодахъ исторіи языка, появились какъ долгіе согласные, такъ и долгіе гласные.

¹⁾ Знакомъ я обозначаю „чрезмѣрную“ долготу гласныхъ.

A. Согласные.

1. Послѣ гласныхъ.

а) долги — послѣ краткаго гласнаго съ удареніемъ, въ словахъ односложныхъ; напримѣръ: уc — „вода“; ғaғ — „сталь“; ғaр — „рука“; хoғ — „соръ“ [для простоты я пишу: уc, ғaғ, ғaр (ғaр!), хoғ].

б) под-долги — послѣ краткаго гласнаго съ удареніемъ въ словахъ многосложныхъ; долгота обратно-пропорциональна длинѣ всего слова, напримѣръ: ғaрдâ — „въ своей руке“, ғaлзұ — „бывшій“ (я пишу ғaрдâ, ғaлзұ); болбсөрөхү — „совершевшійся, созрѣвъ“, болбсөрүләб-чік — „хотя бы дала созрѣть“.

в) долги или под-долги — когда долгій согласный, находившійся прежде между гласными, соединяется непосредственно со слѣдующимъ согласнымъ безъ открытия рта: уcтé ≤ уссүтé¹⁾ — „водяной; съ водой“.

г) кратки или над-кратки — послѣ всякаго краткаго гласнаго безъ ударенія; напримѣръ: мүргүл — „поклоненіе“; мүргүк — „путь поклонится, поклонись“; хамар — „носъ“.

д) кратки — послѣ всякаго долгаго гласнаго звука: xâl (= xâň) — „хань“, xôl (= xôň) — „лица“, номът — „книги, ученик (*genitivus*)“, харўл (= харўл) — „карауль“.

2. Между гласными.

а) над-долги (т. е. удвоены (*geminata*), съ долгой первой частью) — если они произошли при исчезновеніи гласнаго (изъ: согласн. долгій + краткій); такъ, въ іддек ≤ іддѣдѣк (іддадѣк) — „Фдашій“, ўссé ≤ ўссесé (ўссасé) — „выросшій“, боллâ ≤ боллолâ — „совершилось“. Такое слияніе можно встрѣтить только при ускоренной рѣчи; обыкновенно задержаніе притока воздуха послѣ долгаго согласнаго болѣе или менѣе устраивается; такъ бываетъ всегда при соединеніи двухъ сильныхъ (*fortes*) (т, ц, ч), смотри § 54.

¹⁾ Въ письменномъ языке полная форма была: «усугай».

Схематическая таблица звуковъ ургинскаго

1. Согласные.

	аффрикаты		смычные		про- точные		боковые ¹⁾		дрожащіе		носо- вые	
	силь- ные	слы- бые	силь- ные	слы- бые	глу- хие	звон- кие	глу- хие	звон- кие	глу- хие	звон- кие	звон- кие	
Велярно-задне- язычные	k _X	—	k,	t, t'	x (x')	—	—	—	—	—	—	н
Заднеязычные . . .	g _X	—	к,	т, т'	х	—	—	—	—	—	—	—
Среднеязычные . . .	—	—	—	—	j	j	—	—	—	—	—	—
Переднеязычные . . .	ч, ч' _{п (п')}	—	—	—	ш	—	л	л	—	—	—	—
Губные	п, п' _{з (з')}	—	—	—	с	—	—	—	—	—	—	—
	т', т	—	т,	д, д'	—	—	л'	л'	р'	р	п	м
	—	—	б	б'	w	w	—	—	—	—	—	—

¹⁾ Смычные, произносимые съ опущеніемъ краевъ языка.

говора халха'скаго наръчія монгольскаго языка:

2. Гласные.

		Задние гласные (гортанные)		Передние гласные (небесные)	
		Задний рядъ	Передний рядъ	Задний рядъ	Передний рядъ
		кр. ¹⁾	щ. ²⁾	кр.	щ.
Ясно артикули- руемые глас- ные	узыкій (high) полуоткры- тый (mid) открытый (low)	у у	у у	ъ (=ъ) о а	ъ (=ъ) е а
неясные гласные	гласные полости гортани	ъ о а	ъ о а	ъ	ъ е и
	гласные произ- носимые при опу- щеніи небесной занавѣски	ъ о а	ъ о а	ъ	ъ е и

¹⁾ кр. = круглое отверстіе губъ.

²⁾ щ. = щелинное отверстіе губъ.

³⁾ Долгота обозначена для тѣхъ звуковъ, которые являются не иначе какъ долгими.

⁴⁾ Знаки э, е, ѿ, ѿ' примѣнены только для обозначенія звуковъ не хург. говора и потому здесь не помѣщаются.

Исправление замѣченныхъ опечатокъ и дополненія.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Вместо:</i>
4	7	б'арвас	б'арвас
3	23	(обыкновенно:	(живущие въ различныхъ мѣстахъ Халхи и обыкновенно называе- мые „учениками ургинскаго ху- тукты“:
9	27	изложени, я буду	изложенія я буду
11	27	(?). Глаголь	(?). Срв. также П. М. Меліо- ранскій. Арабъ-филологъ о монг. яз., стр. 127 («бітібә») и 129 («бітакѣті»), а также K. Shiratori, Über die Sprache des Hiung-nu Stammes, (Tokio. 1900), s. 34: «рі-teh». Глаголь)]. Срв. также мнѣніе В. Н. Васильева (Журн. Мин. Нар. Просв. CLXIII, стр. 94).
—	32]).	
13	6	х'а́т'ят	х'а́т'ят
14	27	түрү	түрү
—	28	түлэ	түлэ
16	26	номнүдл	номнүдл
18	29	aw	aw
19	5	дүрвү	дүрвү
24	6	срв. (хУрг.	(срв. хУрг.
25	8	öрð	öрð — „самъ“
—	9	öwöрðöq	<i>Примеч.</i> По даннымъ студ. Б. Я. Владимірцева, зани- мавшагося лѣтомъ 1908 г. дialeктомъ дэрбетовъ около г. Кобдо, эти слова являются у нихъ обыкновенно въ формѣ: öwrañ или örwäñ въ dewel.
—	14	deweléç	

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Вместо:</i>
26	23	стр. 156—159],	стр. 156 — 159, а также, напр., 129 («біләвү» > письм. «білегүү» — „оселокъ“; «бі- лаву» > письм. «білағу» — „дубина“), 133 («цалаву» > письм. «цалагу» — „юноша“ и пр.), 135 и мн. др.].
27	44	«-чі». Слѣдовательно	«-чі». Подтверждениемъ этого можетъ служить также форма «тун-ча» < письм. «тегүнче» (П. М. Меліоранскій, Арабъ- филологъ о монг. яз., стр. 113). <i>Слѣдовательно</i>
31	25	„городъ Лхаса“;	„Лхаса“ (столица Тибета);
—	—	лагwā	лагwā
33	22—25	<i>Примеч.</i> Значеніе словъ «терігүн», т'ерігүң, т'үрү	т'ерігүң (книжное) — значить „голова; первый“; т'үрү и т'үрү, приведен- ныхъ на стр. 14, 23, 24, 33, 40 и 54 дано непослѣдо- вательно; должно быть:
38	17	мөрн,	мөрн
52	19	(q'jilō)	(q'jilō)

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Предисловие автора къ русскому изданию	I—III
Опытъ классификаціи монголовъ по нарѣчіямъ	VI
Сокращенія и обозначенія	VII
Введеніе §§ 1—3	1
Согласные §§ 4—36	6
Смычные §§ 4—22	—
Сильные (fortes) §§ 5—10	—
Слабые (lenes) §§ 11—17	13
Общее замѣчаніе объ алфавитѣ § 18	21
Нечетновсѣе звуки §§ 19—22	22
Звуки с, ш, ѿ и р §§ 23—30.	27
Носовые (н, м) §§ 31—36	33
Гласные §§ 37—58	37
Гласные дифтонги § 58	54
Удареніе §§ 59—60	56
Количество § 61	58
А. Согласные	59
1. Послѣ гласныхъ	—
2. Между гласными	—
3. Въ началѣ слова	60
Б. Гласные	61
Схематическая таблица звуковъ ургинскаго говора халха'скаго нарѣчія монгольскаго языка	62
Исправленіе замѣченныхъ опечатокъ и дополненія	64